

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

ДЖЕРЕМИ РОБЕРТ ДЖОНСОН
ЦИКЛ

Мастера ужасов

Джереми Роберт Джонсон

Цикл

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Джонсон Д.

Цикл / Д. Джонсон — «Издательство АСТ», 2020 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-148948-9

В сонном городке Тернер Фоллс, где живет немало богатых семей, в последнее время происходит что-то странное. В школе из-за непонятной вспышки агрессии ученик прямо на уроке убивает учителя. Потом начинают пропадать люди, появляются проблемы со связью, и, возможно, причину событий нужно искать в биолaborатории, находящейся неподалеку от города. Но никакого расследования не будет, ведь вскоре местные подростки неожиданно превратятся в одержимых кровью садистов, вместо телепередач и телефонных гудков раздастся сигнал, вгоняющий всех, кто его услышит, в кататонию, и чудом уцелевшей группе людей придется выживать, пытаясь выяснить, что же произошло. И нет, дело не в вирусе. И зомби тут тоже ни при чем. Все гораздо, гораздо хуже.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-148948-9

© Джонсон Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Выдержка из транскрипта 251-го эпизода /подкаста «Ночной Страж».	6
Загружен 01.06.21 в 03:47	
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джереми Роберт Джонсон

Цикл

JEREMY ROBERT JOHNSON

THE LOOP

Copyright © 2020 by Jeremy Robert Johnson

© Анастасия Колесова, перевод, 2022

© Валерий Петелин, ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Посвящается тем, кого больше нет

И тем, кто поступал мудро и делал добро, несмотря ни на что

Человек, оказавшийся в плену своих страстей, свободным быть не может.

Пифагор Самосский

Напиши «Никаких правил» на водонапорной башне.
Эзон Рок

Выдержка из транскрипта 251-го эпизода / подкаста «Ночной Страж». Загружен 01.06.21 в 03:47

В очередной раз приветствую всех мыслителей, выпивох, фриков, гиков, курильщиков, шутников, блудников, борцов за свободу и всяких придурков, что не спят в такой ранний час. С вами снова «Ночной Страж» – единственный, у кого хватает храбрости сказать вам правду; единственный источник новостей, на который можно положиться как на спасательный круг подлинных фактов во все более беспокойном океане лжи под названием США.

Я знаю, что многие слушатели ждут продолжения дела Адама Колсона, а также хотят узнать, что же станет с военными преступниками, которые сейчас потягивают кайпиринью на песчаных пляжах Ипанемы, после внезапного любезного разрешения Бразилии об экстрадиции людей с двойным гражданством. К этому мы еще вернемся. Обещаю. Но прежде всего сегодня я хочу обратить внимание на парочку странных новостей, и для этого мне придется ненадолго вернуть нашу небольшую рубрику «Ну да, конечно».

Во-первых, мы обнаружили новую, еще более опасную скрытую функцию в телефонах, и все благодаря неудаляемому приложению очистки системы Moonlite, которое установлено практически на каждом устройстве независимо от производителя. Я понимаю, что наши постоянные слушатели никогда бы не стали носить в карманах такую мечту Сталина, но, может, у нас есть новые слушатели, которые считают, что скрытые функции вряд ли используются правительством или корпорациями. Может быть, вы думаете: «За мной следить они не будут. И слушать тоже». И на это я отвечу...

Ну да, конечно.

Если хотите узнать, как ограничить доступ к этим функциям или выбрать чистое оборудование, не переключайтесь. В конце выпуска мы расскажем о надежных продуктах, одобренных «Ночным Стражем».

А сейчас новость будет довольно мрачная, про довольно подозрительные убийство и самоубийство. Послушайте внимательно, что пишут в «Обсервере», местной газете Тернер Фоллс, и скажите, есть ли в статье хоть капля смысла.

Мать и сын мертвы в результате убийства и самоубийства.

Тернер Фоллс, Орегон. Полиция расследует возможное убийство и самоубийство, в результате которого погибли молодой человек и его мать.

Офицеры полиции обнаружили погибших около восьми утра в субботу в квартале 1700 по Кенсингтон-авеню.

По сообщениям полиции, на 911 поступил звонок от обеспокоенной соседки, которая услышала звуки борьбы и решила проведать семью, но нашла лишь тела. Сотрудники экстренных служб констатировали смерть матери и сына на месте происшествия.

«Сейчас всем причастным к этому делу приходится тяжело, – прокомментировал сержант Билл Ремар из полиции Тернер Фоллс. – Мы рассматриваем это дело как убийство и самоубийство». Ремар отказался прокомментировать травмы и возможные причины смерти или раскрыть

имена, пока идет расследование и о произошедшем не уведомлены ближайшие родственники.

Школьный округ Тернер Фоллс подтвердил, что молодой человек посещал среднюю школу Саммит-Ридж. Округ опубликовал заявление, в котором выразил сожаление о кончине одного из учеников.

Родственники семьи отказались давать какие-либо комментарии.

Обновлено: В субботу офис шерифа сообщил, что жертвами являлись семнадцатилетний Брэди Миллер и сорокадвухлетняя Джули Миллер, оба проживающие в Тернер Фоллс. У погибших остался живущий отдельно отец и муж Сэмюэл Миллер, руководитель отдела разработок местного производителя медицинских товаров IMTECH. Полиция не рассматривает его в качестве подозреваемого, и связаться с ним не удалось.

Обновлено/эксклюзив: «Обсерверу» удалось заполучить показания Констанс Лог – соседки, которая обнаружила покойных. Лог рассказала: «Я слышала крики, а потом хлопнула дверь машины. Собака Миллеров начала непрерывно лаять, чего раньше никогда не случалось. Мы хорошо общаемся, так что я пошла их проведать, а когда заметила, что входная дверь приоткрыта, то постучала, чтобы они знали, что я пришла. В коридоре было несколько чемоданов, и я чуть не упала, а еще заметила разбитую вазу с цветами рядом с дверью. И когда я это увидела, да еще и собака заливалась... У меня мурашки по спине побежали. Я поняла, что-то явно произошло. Затем я прошла в гостиную и увидела Брэди и Джули. Бедный мальчик... Лежал на диване с подушкой на лице. Джули – на полу рядом с ним, а на кофейном столике стояла пустая баночка из-под ее таблеток для сердца. Я сначала хотела их реанимировать, но, присмотревшись, поняла, что им уже не помочь. Я побежала обратно домой, заперла дверь и позвонила 911. И пока ждала, все пыталась найти разумное объяснение произошедшему, но не смогла. Джули обожала сына. И Сэм тоже. Даже после развода они считали его своим маленьким ангелом, это было видно. Сложно представить, что кто-то из них мог его хоть пальцем тронуть, и я... Они всегда хотели для него только лучшего. Бессмыслица какая-то. У меня просто сердце рывается».

Вот, дорогие слушатели, что мы имеем. Понятно, что ситуация печальная и трагичная, и, на первый взгляд, наверное, все тут ясно. Можно предположить, что у матери был какой-то сложный период, – например, муж собрался взять на себя полную опеку сына, – она совсем потеряла рассудок, и вот результат. Так бывает. Seriously. У всех есть свой предел.

Но... НО! Наши постоянные слушатели знают, что мы уже давно следим за Тернер Фоллс: с тех пор как половина компаний, занимающихся обработкой данных, одновременно решили построить свои крупнейшие офисы на окраинах маленького причудливого туристического горнолыжного городка. Если хотите подробностей, послушайте двести тридцать пятый эпизод... В городе нет ни специализированной рабочей силы, ни хороших природных условий для функционирования подобного бизнеса... А тут внезапно главные миллиардеры мира скупают недвижимость в пустыне. Что-то. Тут. Не сходится. Поэтому наши бдительные сотрудники из отдела расследований «Ночного Стража» уже изучают другие организации – точнее будет сказать, странности этого региона, в том числе и компанию Сэмюэля Миллера IMTECH. Дело явно пахнет керосином, и мы глубоко копаем, чтобы пролить свет на происходящее. Однако мы пока не готовы рассказать об этой ситуации

подробнее, и я попрошу вас немного подождать, потому что мы, вымирающий вид под названием журналисты, привыкли полагаться на одну маленькую вещь – ФАКТЫ.

Да даже *без* всего этого, друзья, даже если бы не было никаких других причин с подозрением относиться к происшествию в Тернер Фоллс, – в этой статье столько всего может смутить, согласитесь?

У нас есть муж, живущий отдельно, который почему-то НЕ подозревается, хотя в таких случаях именно за мужа берутся в первую очередь. Что такого о нем знает полиция Тернер Фоллс, чего не знаем мы? У нас есть соседка, которая слышала звуки борьбы и хлопнувшую дверцу машины, что свидетельствует о присутствии третьих лиц на месте происшествия. У нас есть чемоданы на входе. Тут возникает резонный вопрос: зачем собираться в путешествие, если решила убить своего ребенка и себя? У нас есть сорокадвухлетняя женщина, которая повалила и задушила здорового семнадцатилетнего пацана, хотя соседка описала все так, будто он прилег на диван подремать, а не боролся за свою жизнь. А потом случилась передозировка препаратами для сердца, которые люди обычно для этой цели не выбирают – мы проверили, вы же нас знаете. Если смешать нитратные препараты с чем-то вроде виагры, тогда, конечно, сосуды расширятся так, что умрешь, но одними сердечными таблетками... очень маловероятно и нетипично. К тому же мы узнали, что убийцы, совершившие самоубийство, зачастую покидают комнату, где они кого-то прикончили, особенно если дело касается члена семьи. Считается, что на это их толкает раскаяние, и оно же приводит к самоубийству. Чаще всего убийцу находят на заднем дворе, а не прямо там, где они кого-то убили. Но тут мать рядом с сыном...

Можно списать все на безумие, психическое заболевание. Или на еще что-нибудь. Но когда на руках слишком много сомнительных фактов, а также возможный преступник, с которого так удобно сняли обвинения, начинаешь задумываться... И, имея многолетний опыт в этом деле, я могу сказать, что у подобной бессмыслицы есть свои закономерности: с одной стороны, у нас международные корпорации, а с другой – такие вот странные, просто неправильные смерти, и пардон за мой французский, но они точно, мать вашу, связаны. В таких случаях надо закупаться кучей кнопок, чтобы все зацепки расследования удалось на пробковую доску прикрепить.

Поэтому, когда я услышал про этот инцидент и компании, наводняющие Тернер Фоллс, я задался вопросом: неужели это случайная трагедия, вызванная искаженным разумом? Или же тут началось что-то похуже? Мне стоит приготовить еще больше пробковых досок для того, что будет дальше?

Знаю, друзья, звучит отвратительно, но со временем понимаешь, что насмотрелся слишком много. Слишком много узнал. Если честно... В какой-то момент начинаешь немного сходить с ума и уже хочешь конкретно ошибиться, но оказываешься прав – и это больно. Поэтому я хочу верить, что произошедшее – нелепая случайность. Хочу верить, что эти крупные компании ставят в приоритет интересы людей. Как знать, может, они создадут прекрасные симбиотические отношения, и рабочие места, и деньги будут сыпаться с неба как манна, и корпоративные благотворители принесут новый золотой век мира и процветания.

Звучит неплохо, а, друзья? Но я прямо вижу, как вы сейчас качаете головами, и я знаю, о чем вы думаете...

Ну да, конечно.

Часть I

Вектор / введение

Глава 1

Заслуживающий внимания инцидент

Люси написала «Гребаные животные!» на листе блокнота и вокруг слов нарисовала стрелки во все направления.

Она хотела вырвать страницу и сунуть ее Бакету, но их разделяло два ряда после того, как они похихикали над абсурдными отфотошопленными фотографиями на телефоне Бакета и мистер Чемберс их услышал.

С каждой неделей Люси все больше скучала по Бакету. Они были единственными смуглыми учениками в классе – а во всей школе их было всего четыре – и его близость успокаивала. Без него она чувствовала, будто ее... изучают. Бакет никогда бы не тронул ее волосы, не сказал, что «завидует ее загару», или, что еще хуже, не назвал ее внешность «экзотической», отчего она чувствовала себя зверьком в зоопарке.

Но сейчас он сидел в другом конце класса, уткнувшись лицом в учебник, а она была одна и жалела, что вообще смеялась над фотографией Уилфорда Бримли, едущего верхом на морской корове в ретроковбойский закат с криками о «му-у-учном». Более глупой причины потерять доступ к лучшему другу и придумать было нельзя.

Честно говоря, из-за нее они могли серьезно попасть. Если бы мистер Чемберс полистал изображения Бакета вместо того, чтобы выключить телефон и положить его на свой стол, то нашел бы десятки скриншотов из лесбийского порно, на которые Бакет налепил себя: на одних он с энтузиазмом показывал большие пальцы; на других попивал чашку чая, выставя мизинец, или невозмутимо располагался меж двух женщин, которые собирались, согласно описанию видео, «учить друг друга целоваться».

Бакет утверждал, что его одержимость подобными видео пошла от «девушки-модели из Калифорнии, которая играла на две команды», однако Люси ему не верила. Но хотела понять, почему же Бакету это интересно. Она даже попыталась посмотреть одно видео с его любимого сайта – под названием «непростососеди» – но поняла, что увиденное ее никак не впечатлило. Весь оставшийся день она грустила в надежде, что в голове щелкнет переключатель и ей начнут нравиться девушки. Почему-то казалось, так будет проще, особенно потом, в колледже, когда все наглые сучки средней школы Спринг Мидоу останутся далеко-далеко позади.

Но нет. Ночью, когда она терлась о подушку, она думала об огромных руках Нейта Карвера, его широкой спине и идеальной улыбке. Что хуже всего, Нейт был одним из *них*: он жил на Брауэр Бьютт в доме настолько большом и высоком, что кружилась голова, и, как у большинства других богатых детей в городе, оба его родителя работали в больнице Сент-Эндрюс – единственном в Тернер Фоллс месте, помимо ИМТЕСН, где платили хорошие деньги. По крайней мере, до того, как открыли дата-центры. Именно на больничные зарплаты Нейту купили совершенно новую машину на шестнадцатилетие. На баскетбольную площадку он выходит в обуви, сделанной на заказ, и хвастается, что ее застраховали сразу после покупки. Его брат учится в Гарварде, и Нейт утверждал, что тоже будет туда поступать. Еще говорил, что на мемориальной доске в библиотеке – имя его дедушки. «Да я просто красавчик».

Люси знала по меньшей мере двадцать ребят, которые были умнее Нейта, но они родились в небогатых семьях, и никто из них точно не называл бы себя «просто красавчиком». Поэтому при мысли о Нейте Люси испытывала два совершенно разных желания одновременно:

чтобы он навалился на нее своим прекрасным телом и чтобы это прекрасное тело было полностью уничтожено взрывом после столкновения его модной новой машины и телефонного столба.

Люси попыталась сосредоточиться на мистере Чемберсе у доски, но его глухое бормотание о каких-то там частных производных прервал Бен Брумке: он смачно отрыгнул, и все вокруг него на задних партах поморщились и закрыли носы рукавами, предвкушая вонь домашних протеиновых коктейлей Бена. Бакет все никак не мог отучиться выражать свои мысли вслух, и сразу сказал: «Брумке снова ел сбитых животных», – и кто-то в классе даже засмеялся. Но затем Бен бросил в Бакета ручку и ответил: «Заткнись, Песочек», – а мистер Чемберс прокашлялся, и все поняли, что нужно успокоиться, иначе придется слушать выговор.

Половина школы называла Бакета Песочком с тех пор, как узнали, что он приехал в Штаты из Пакистана, и все понимали, что на самом деле имеется в виду. Люси тоже получала свой ушат грязи: и «сопля», и «вали обратно в Мексику», и «тако-сучка», и «ослоебка», – со временем она решила никому не говорить, что вообще-то она из Перу. Ей казалось, что никто не заслуживает знать о ней правду, и вдобавок уже представляла шуточки про Паддингтона. Более того, она не хотела, чтобы кто-то выяснил, почему ее вообще удочерили Хендерсоны. Люси Хендерсон и так было несладко, а каково будет Люсии Альварес, особенно если кто-то узнает, что сделали ее биологические родители, – одному Богу известно...

Люси оглянулась на Бакета. Тот едва сдерживал гнев. На второй год старшей школы все было настолько плохо, что им обоим пришлось надевать на ночь капы, чтобы не стереть себе все зубы. Вот и сейчас Бакет сжимал челюсть, а вцепившиеся в парту пальцы побелели. Он встретился с ней взглядом, и Люси постаралась беззвучно, одним только лицом, послать ему сообщение.

Так будет не всегда. Еще год, и мы оба навечно покинем этот захолустный деревенский городишко.

Попрощаемся с Тернер Фоллс, штат Орегон, через зеркало заднего вида. Покажем всем средний палец, когда уедем.

Оставим этих гребаных животных позади.

Бакет перевел дыхание. Ослабил мертвую хватку на парте.

Мистер Чемберс почувствовал висящее напряжение и повернулся к классу.

– Знаю, в конце учебного года трудно сосредоточиться, но нам нужно разобрать последнюю главу до экзамена в четверг, и будете свободны. Так что давайте сведем оскорбления к минимуму, мистер Брумке.

– Хорошо.

– И к вам это тоже относится, мистер Марвани.

– Но ведь Бен первый начал рыгать прямо в...

– Мистер Марвани.

Бакет фыркнул:

– Хорошо.

Затем в классе наступило затишье. Минутная суэта сошла на нет, мистер Чемберс продолжал повторять монотонным голосом волшебные термины, их все ученики должны были запомнить

для экзамена, а скудная, устаревшая система охлаждения продолжала изо всех сил бороться с жаром пустыни, из-за которого большое бежевое кирпичное здание школы превратилось в печь. На мгновение классная комната погрузилась в сонный покой.

Все было настолько тихо, что никто еще несколько минут не замечал, как Крис Кармайл дергается за партой.

Джейк Бернхардт сидел прямо за Крисом, в середине ряда.

Семья Криса жила в удаленном районе Каскейд Вудс – скоплении ветхих промышленных домов и трейлеров, печально известном взрывами в лабораториях по производству метамфетамина. Лишний раз колесить по Каскейд Вудс не стоило, иначе какой-нибудь придурок наркоша мог выстрелом из ружья начинить тебе задницу каменной солью (или еще чего похуже: ходили слухи, что в этой глуши закопана куча тел).

Семья Джейка была родом из Брауэр Бьютт, и в собственности у них было столько земли, что на заднем дворе они построили сложную гоночную трассу, чтобы Джейк мог гонять автомобили на дистанционном управлении. В доме можно было спрыгнуть с крыши за окном его комнаты прямоком в самое глубокое место бассейна, ну, или не попасть и сломать лодыжку, как Брэдли Инглэнд, и пропустить весь футбольный сезон.

Поэтому, понятное дело, Джейк очень интересовался Крисом. Легче цели для насмешек и не придумаешь.

Крис не моется неделями. Джейк зажимает нос и притворяется, что теряет сознание. «Кто-то забыл вынести мусор!»

Тонкий юмор.

Крис носит одну и ту же рубашку, пока та не протрется до дыр. Джейк бросает монетки в дырку на спине и жестами сообщает о забитом голе.

«Ребят, видали?»

Отец Криса попадает в окружную тюрьму по обвинению в мелкой краже. Неделью спустя Джейк спрашивает, какие у Криса планы на День отца.

Классика!

Люси никогда не смеялась, но часто просто молчала. Жестокость Джейка – словно проектор, ловить его свет ой как не стоило: однажды она сказала Джейку оставить Криса в покое, и все закончилось тем, что после урока он выбил тетради из ее рук, и конспекты по истории разлетелись по коридору. Когда она опустилась на четвереньки, чтобы собрать их, он сказал: «Приберись тут, Сопля. Хоть опыта наберешься перед тем, как будешь работать у меня дома».

Вот умора, а!

После шуток он давал другим пять. Смеялся ли Нейт Карвер? Люси притворялась, что не видит этого.

И вот Джейк взялся за старое: поднял руки и затряс безвольными запястьями, имитируя движения Криса. Его дружки захихикали. Джейк наклонил голову к парте и притворился, что занюхнул дорожку, затем откинулся на спинку стула и стал дрожать еще сильнее. Смех стал громче.

Мистер Чемберс повернулся к классу, и хохот оборвался. На лице учителя было написано что-то вроде: «Пожалуйста, мне осталось терпеть вас совсем немного. Побудьте хоть чуточку адекватными. Давайте закончим уже урок, чтобы я мог уйти на летние каникулы и видеть только некоторых из вас на курсах вождения».

Что-то в дальнем углу привлекло внимание Чемберса.

– Мисс Дюфрен, выключайте свой телефон, или же он проведет остаток урока на моем столе.

Толстые пальцы Пэтти Дюфрен летали по экрану, на лице ее застыло озабоченное выражение. Чемберс подошел ближе и повторил погромче.

– Мисс Дюфрен, вы меня вообще слышите?

Ответа не последовало.

Чемберс подошел и вытянул ладонь прямо между лицом Пэтти и телефоном.

– Отдайте мне телефон. Получите обратно после звонка.

Пэтти помедлила, успела выключить телефон, а затем передала его мистеру Чемберсу с обиженным хныканьем. Глазами она проводила устройство до самого учительского стола.

Чемберс нацарапал еще несколько примеров задач на доске, выстукивая мелом ритм как робот. Звук был громким и непрерывным, но Люси отвлек другой шум: заскрипел стол Криса Кармайкла. Почему-то вспомнилось, как она поехала в Сан-Диего вместе с Хендерсонами навестить свою «тетю» Молли. На полпути они заселились в отель «Супер 8», и их соседи устроили эпичный сеанс секса. Люси помнила, как смутились ее опекуны Билл и Кэрол, но в основном она помнила, как равномерно и быстро скрипели пружины и что женщина, казалось, стонала не от удовольствия, а чтобы скоротать время, пока мужчина наконец не перестал двигаться.

По правде говоря, тогда Люси посчитала ситуацию довольно забавной, и скрип стола Криса Кармайкла ее развеселил.

Она собралась рассмеяться, но тут увидела, как двигается тело Криса.

С ним что-то было не так. Очень не так.

Его узкое тело ссутулилось и навалилось на металлическую трубу, что шла от стула к столу. Люси наклонилась вперед и увидела тонкую струйку слюны, свисающую из уголка рта Криса. Выступивший у него на лбу пот просачивался сквозь сальные черные пряди. Левая икра дергалась туда-сюда, в то время как ступню он так сильно прижимал к кафельному полу, что скрипела подошва.

Он будто... с чем-то боролся. Словно пытался заставить себя не вставать из-за стола.

Наконец мистер Чемберс все услышал, обернулся и посмотрел на Криса.

– Мистер Кармайкл, что происх...

И тут голова Криса откинулась назад, он уставился в потолок и закричал:

– Ты обещала удалить фотографию. Хватит быть такой сукой!

Пэтти Дюфрен резко выпрямилась:

– Заткнись, Крис. Откуда ты вообще...

Крис продолжал кричать.

– Почему я на это смотрю? Где я? Перестаньте! – А затем он затих, но спазмы усилились, и пахта начала раскачиваться, то поднимаясь, то ударяясь об пол. Он повернул голову, в расширившихся глазах плескалась паника, будто он пытался что-то разглядеть в темноте.

У него всегда были такие голубые глаза?

Люси была на сто процентов уверена, что у Криса глаза карие, но теперь они были голубыми и слезились. Люси не понимала, как такое может быть, но мысль эта оборвалась, когда спина и колени Криса хрустнули так громко, что звук эхом отразился от потолочной плитки. Люси вздрогнула, представив, как себя чувствует Кармайкл, пока его суставы двигаются и щелкают и он не в силах их остановить.

Мистер Чемберс подошел к Крису.

– Нужно подождать, пока он успокоится. Главное – следить, чтобы он не причинил себе вреда. Меган, беги в канцелярию и скажи, чтобы звонили 911.

Затем учитель склонился над дрожащим телом Криса и дребезжащим столом.

– Надо уложить его на ровную и устойчивую поверхность. Джейк и Майкл, берите за ноги, а я под плечи.

Затем он спросил:

– Крис, ты меня слышишь? Тебя нужно подвинуть.

Он обхватил ладонями шею Кармайкла. В этот момент Люси решила, что, похоже, уснула на уроке, потому что явно слышала, как из-под волос Криса раздался визг, и мистер Чемберс отступил с окровавленной рукой, закричав:

– Какого хрена?

А потом тупой, жестокий Джейк, который никогда не мог адекватно оценить ситуацию, пошутил еще разок. Он обернулся к задним партам и сказал:

– Крис дрожит сильнее, чем вибратор его мамы!

Но никто не засмеялся. Даже его победный смешок оборвался через несколько секунд, потому что Крис вскочил на ноги и прыгнул на Джейка, пригвоздив его к месту, и, несмотря на продолжающуюся серию судорог, Кармайклу удалось поднять правую руку и надавить большим пальцем прямо на левый глаз Джейка.

Словно в кошмаре Люси видела, как мистер Чемберс боится вмешаться, но кричит «Крис, встань с него сейчас же, или мне придется доложить на тебя!», будто школьные правила могли хоть как-то урегулировать происходящее; как Джейк взвизгнул, словно свинья на скотобойне, из уголка его глаза потекла кровь, и он попытался отбиться от Криса; как глаза у того закатились, его губы зашевелились, и ровный, безэмоциональный голос сказал: «Отказ протокола блокировки. Группа отправлена».

Мистер Чемберс, казалось, не понимал, откуда доносится голос: он повернулся к двери класса, ожидая, что кто-то придет и наведет порядок. Через несколько секунд он, должно быть, понял, что эта задача выпала на его долю, поэтому бросился к своему столу, вытащил черный перцовый баллончик и сказал:

– Прекрати сейчас же, Крис! Остановись, или я распылю газ!

Даже если Крис его и слышал, то не обратил внимания, лишь вдавил большой палец еще глубже в череп противника. Звуки, издаваемые Джейком, точно будут преследовать всех в кошмарах.

Мистер Чемберс сделал шаг к мальчикам и прыснул Крису баллончиком в глаза, а затем прямо в рот.

Вот тогда Кармайкл обратил на мистера Чемберса внимание.

Он отпустил съездившегося, кричащего Джейка и встал. Кровь закапала с большого пальца на плитку. Никто не смел двинуться с места, все только кашляли, пытаясь подавить рвотные позывы и дышать через сложенные толстовки или рукава. У двери в класс собралась толпа: кто-то снимал все на камеру, а кто-то убежал, стоило им увидеть трясущееся от глубокого шока тело Джейка.

Крис выпрямился и посмотрел на мистера Чемберса, затем на свою красную мокрую руку.

– Помогло. То, что я сейчас сделал. И то, что сделали вы. Сигнал...

Его голос начал затихать: дыхательные пути сокращались от перцовой смеси. Крис покачал головой и закашлялся. Он моргнул. Его веки ужасно опухли.

– Все не так плохо, мистер Чемберс. Они сказали, что я буду умнее, но они солгали. И маме солгали. Но вы... вы правда помогли мне. После стольких лет.

Затем Крис нагнулся – его движения наконец-то стали плавными – и схватил с пола книгу по введению в матанализ. Он поднял толстый учебник с острыми углами ярко-красной рукой.

– Вот и ответ. Вы дали нам ответ.

Затем Кармайкл сделал два быстрых шага к доске, замахнулся и ударил учебником прямо в лицо учителя.

Ноги мистера Чемберса подкосились. Он рухнул на пол как тряпичная кукла, а Крис запрыгнул на него, высоко подняв книгу над головой, и повернулся к классу.

– Вот как от этого избавиться. Это реальность.

Он снова нанес удар учебником, на этот раз держал его двумя руками. Раздался хруст.

– Сначала я видел все – это было слишком, – но теперь я здесь.

Еще один удар. На этот раз от взмаха белый кафельный потолок забрызгало крошечными красными каплями. Что-то пульсировало на затылке Криса, когда волосы упали ему на лицо, – в этом Люси могла поклясться.

– Все будет хорошо, ребята.

Еще удар. Мистер Чемберс дергал руками, словно рыба, выброшенная на берег, его обручальное кольцо звякало о плитку, а стоны глушил звук булькающей крови.

– У нас все будет хорошо.

А потом у Люси перед глазами поплыли маленькие сверкающие звездочки, и она опустилась на парту, не желая терять сознание, поскольку в классе происходило убийство, а еще она не могла дышать от перцового запаха, и было слишком поздно запирать двери, выключать свет и прятаться. Она не знала, что ей, черт возьми, следует делать. На секунду у нее возникло желание вскочить из-за стола и усмирить Криса или сбить его с мистера Чемберса, но все происходило слишком быстро.

Из коридора донеслись мужские голоса. Что-то вкатилось в класс и замерло рядом с ужасно тихим и неподвижным телом мистера Чемберса, но Крис даже не остановился и не заметил, что от предмета исходит фиолетовый дым, так как все еще размахивал книгой.

«У него ведь руки все в крови – как только книга не выскальзывает?»

По непонятной причине Люси ощутила укол вины за эту мысль, но тут же отвлеклась на запах ядовитого фиолетового дыма, внезапный громовой раскат перестрелки где-то рядом, а затем на лицо Криса, съезжающее с головы и с хлопком ударяющееся о грудную клетку.

В воздухе висел зловонный запах перцовки, пороха и разбрызганной крови.

Класс наполнился криками.

Тело Криса содрогнулось в последний раз и рухнуло на мистера Чемберса.

Прозвенел школьный звонок.

Он стал для Люси последней каплей. Где-то в далекой части сознания родилась мысль: «Урок окончен», потом все перекрыл белый шум, а затем пришла пустота.

Глава 2

Попытки побега

В другом конце комнаты на комодѣ зазвенел будильник, и Люси проснулась, предвкушая очередной день притворства.

«Да, сегодня я в порядке».

«Нет, кошмары не снились».

«Да, мне интересно, будет на завтрак свежая черника или нет. Простые удовольствия тоже важны! Где бы мы были без маленьких радостей?!»

«Нет, не хочу идти на прием к доктору Нильсен. И я точно не утаиваю от нее никаких подробностей о том самом дне, чтобы она не упекла меня в психушку».

«Да, я прекрасно со всем справляюсь».

«Нет, мне не снился сон, в котором я запостила фотографию взрывающегося лица Криса Кармайкла в своем профиле, а затем опустила телефон между ног и наслаждалась вибрацией нескончаемых уведомлений. Ведь это значит, со мной что-то не так, верно? А у меня все отлично!»

«Да, думаю, закончить школу все же надо, и, да, было бы неплохо ее сменить. Но разве Нильсен не говорила, что мне нужно все переварить в своем темпе? Спасибо за ваше терпение. Спасибо, что каждый день высказываете слова поддержки! Да, мы должны пережить этот сложный период *вместе*».

«Нет, у меня нет никаких суицидальных мыслей или мыслей, как навредить себе. Можете не сомневаться, со мной все будет хорошо».

У нас все будет хорошо.

Люси понимала: Хендерсоны любят ее, потому так себя и ведут. Она понимала: ей очень повезло, что в ее жизни есть Билл и Кэрол, и что они боялись, как бы она снова не скатилась в кататонию, как тогда, когда они только усыновили ее ребенком после трагедии в Перу.

И тем не менее после «инцидента» их любовь, бывало, ощущалась как гребаный свинцовый фартук на груди и их треклятая сердечная забота и защита удушали.

Днем она написала Бакету: «Умираю. Билл и Кэрол обращаются со мной как с олененком. Пожалуйста, приезжай. Съездим в „Эксчейндж“».

Семья Марвани не бедствовала. У отца Бакета была собственная дерматологическая клиника, а мать работала ассистентом стоматолога. Не совсем уровень Сент-Эндрюса или ИМТЕСН, но голод им не грозил. Они могли бы наскрести достаточно наличных на старый подержанный седан для сына, но хотели, чтобы он сам заработал деньги, поэтому Бакет работал неполный рабочий день в магазине «Калбертсон». По этой причине от него всегда пахло свежеиспеченным хлебом, когда он приезжал за Люси.

Она плюхнулась на переднее сиденье и сделала глубокий вдох.

– Обожаю этот запах!

– Это ж все хрень. Они даже не пекут ничего. Просто вкачивают ароматизаторы, чтобы все думали, будто хлеб свежий.

– Плевать. – Словно собака, идущая по следу, Люси принюхивалась к Бакету, придвигаясь все ближе и ближе. – Как же вкусно, мать твою!

– Ладно, ладно. Остынь, ненормальная.

– Я аж проголодалась. Может, захватим пару огромных кренделей по пути в «Эксчейндж»?

– Ладно, остановимся, но я ничего брать не буду.

– Все еще проблемы с желудком?

– Ага. Я вроде ем, но голода не чувствую. И нервы еще... понимаешь?

– Понимаю. Но давай не будем об этом.

Бакет кивнул и прибавил громкость магнитолы. Басы хлынули из багажника и заглушили все плохие мысли. Текст песни был неразборчивым, не считая заавтотюненной строчки «Натри киску коксом, пусть немеет задница». Музыка ударила куда надо, в глупую, отмершую часть сознания, и Люси впервые за день улыбнулась по-настоящему.

– Классная песня.

– Ага. Купим крендели в торговом центре или сходишь в магазин на углу?

Люси подумала, кто может болтаться в торговом центре. Вероятно, друзья Криса Кармайкла. Или друзья Брэди Миллера. Люси почти никого не знала из района Саммит Ридж, но знаковая трагедия случилась сначала у них, и они устроили службу со свечами, чтобы почтить память одноклассника. По основной версии, его убила собственная мать, отчего на Люси накачивали сильные чувства и она решила полностью игнорировать новости об этом преступлении. Даже если удастся избежать встречи с людьми, непосредственно связанными с произошедшим в школе ужасом, в торговом центре точно будут другие ученики, и Люси представляла, как они будут разыгрывать интерес, лишь бы подробнее расспросить ее о том, что произошло в классе мистера Чемберса.

Я не могу отвечать на эти вопросы. И не хочу. Я даже не уверена, что вообще видела.

Доктор Нильсен рассказывала, как адреналин влияет на память и как правда со временем может всплыть на поверхность и вернуться на свое место; а то, что Люси, как ей кажется, видела, – всего лишь галлюцинации, заполняющие пробелы, пока не вернутся истинные воспоминания.

Но ведь на задней части шеи Криса что-то было, правда?

Спросить Бакета, что он видел, у нее не хватало смелости.

Ее улыбка померкла.

Хватит. Хватит думать. И в торговый центр ни ногой.

– Давай в магазин на углу. И сделай музыку погромче.

– Хорошо. Оставить кондей или окна откроем?

– Оставь кондей, сучка. Хочу вдыхать твой безумно вкусный запах хлеба.

Она снова принялась к нему, закрыв глаза и втянув в себя максимум воздуха. Затем оба рассмеялись, разделив крошечный, далекий от кошмарной реальности счастливый момент.

«Эксчейндж» был классным, потому что туда никто не ходил. Музыкальные магазины потихоньку превращались в музеи. Клиентура состояла из людей не в ладах с компьютерами, тех, кто все еще пользовался компакт-дисками, хипстеров, ди-джеев и старперов, поклонящихся алтарю винила.

Люси нравилось медленно просматривать ряды пластинок в тихом затхлом помещении.

А Бакету нравилась двадцатипятилетняя продавщица по имени Тони, которая, по слухам, также подрабатывала стриптизершей в «Котельной». Ее тело покрывали татуировки, у нее были ярко-фиолетовые волосы и большие голубые глаза, и однажды она даже спросила Бакета, как на самом деле его зовут.

– Не говори, что Бакет – твое настоящее имя, – сказала она. – Что это за имя такое, Бакет?

– Мое имя.

– Ладно, слушай... Я знаю, что оно ненастоящее. Прямо чувствую. У меня тоже несколько имен. Давай так. Сначала я скажу тебе свои имена, а ты скажешь мне свои. Как тебе идея?

Бакет прищурился. Люси впечатлило, как он устоял перед чарами Тони.

Тони наклонилась через прилавок.

– На самом деле у меня три имени. Тони. Так меня все называют. Еще есть имя, данное родителями, Антуанетта – охеренно изысканное, только для особых случаев.

Настала очередь Бакета наклониться. Стоило ей выругаться, и он уже покорен. Она говорила с ним как со взрослым. Ему это нравилось.

– Есть и третье имя. Я использую его только в одном месте. – Бакет приподнял брови. Люси знала, о чем он думал. *Слухи оказались правдой! Тони правда стриптизерша!* – Никому не рассказывай, но иногда я представляюсь Эмити.

– Погоди... Эмити? Типа, как в фильме «Челюсти»?

– Ну, взяла я его не оттуда, но да. Мне оно нравится, потому что клиенты считают его классным, но настоящая причина – его значение.

– «Дружелюбие»?

– Да. Вот в чем на самом деле заключается моя другая работа. Клиенты приходят с определенной целью и, собственно, получают, чего хотят, но не понимают, что я на самом деле им даю. Им хочется услышать: «Я рядом, и я не отвернусь от тебя. Ты можешь мне доверять. Я тебя выслушаю. Я буду смотреть на тебя, потому что ты важен. Я – твой друг». Люди одиноки, понимаешь?

Люси взглянула на щенячье выражение Бакета и решила, что эта женщина заслуживает, чтобы ее называли изысканным именем вроде Антуанетты.

– Вот такие у меня имена. Теперь твоя очередь.

– Ладно. На самом деле история не очень интересная. Меня зовут Бахит. Просто Бахит.

– Бахит. Мне нравится. Звучит, как бы сказать, экзотично.

Люси взбесилась. Экзотично. Постоянно слышишь это гребаное «экзотично». А на родине у него это вполне распространенное имя.

Бакет улыбнулся, не в силах противиться шарму Тони.

Тони спросила:

– Так откуда тогда Бакет?

– А, ну я не...

– Рассказывай давай! В магазин три часа никто не заходил. У магазинного кота гребаный диабет. Он просто валяется весь день. – Тони указала на тушку полосатого кота, свернувшегося в клубок на одной из витрин. – Пожалуйста, расскажи что-нибудь интересное.

– Ладно. Так меня называл мой младший брат Далир, когда мы жили в Пакистане. Он все не мог правильно выговорить Бахит. Ходил за мной хвостиком и повторял: «Бакет! Бакет!» – и мы все смеялись.

– Боже, это так мило.

– Да, но, э-э...

Люси заметила, как на лице Бакета что-то промелькнуло. Возможно, он вспомнил, что она тоже слушает, или осознал, что собирается поделиться прошлым, которое старался похоронить глубоко внутри.

– Мой младший брат, он, э-э, умер. Подхватил какую-то лихорадку, у него отключился мозг... И после этого родители долго грустили. Мы почти не разговаривали. А потом они очухались и решили, что нам нужно переехать подальше от... всего, наверное. Так мы и оказались в Калифорнии, а потом в Орегоне. И как только сюда приехали, я заметил, что они стали звать меня Бакет. Сначала меня это сильно раздражало, но позже я вроде как понял, что это... Ну, знаешь, будто у меня что-то осталось от младшего брата. Так что теперь я не против.

– Ой. Черт... Сочувствую.

– Да ладно, случилось и случилось. – Бакет попытался разрядить обстановку. – Тем более с таким именем жить намного легче. Теперь по буквам надо проговаривать только Марвани, когда куда-то звоню. А вот Бакет все сразу понимают.

И в тот день Люси узнала о Бакете больше, чем за два года дружбы. Она подумала, что ФБР стоит нанимать стриптизерш для проведения допросов.

Но на этот раз в магазине работала не Тони. Люси заметила, как Бакет осмотрел магазин и на его лице отразилось разочарование. Кот диабетик? На месте. Ряды пыльных старых альбомов? На месте. Женщина, на которой он планировал жениться? Отсутствует. За кассой стоял Иуда – нормальный парень, от которого всегда пахло пивом и сигаретами. Его всегда можно было расспросить про нашивки на джинсовой куртке, но все же... Тони/Антуанетты/Эмити не было.

Плюс, судя по вкусу кренделя из магазина, тот лежал на вращающейся стойке со времен пирамид, так что вылазка из дома для Люси пока что не задалась.

По крайней мере, не вижу вечно озабоченных лиц. По крайней мере, не надо отвечать на тщательно сформулированные вопросы, призванные помочь мне вступить на путь к исцелению.

Когда тебя воспитывают два конченных алкоголика, у тебя развивается аллергия на заботу. Люси нравилось в себе эта особенность, но она сильно противоречила родительским инстинктам Хендерсонов.

Люси выбросила дерьмовый крендель в мусорное ведро, оставив маленький кусочек, который предложила магазинному коту. Тот открыл глаз, похлопал лапой по куску кренделя, лизнул подношение, а затем снова впал в диабетический ступор.

Се ля ви.

Настало время отключиться от реальности и покопаться в виниловых пластинках, спокойно дышать через нос, хихикать над случайными обложками альбомов и даже доставать самые забавные, чтобы Бакет тоже их оценил. Бакет болтался без дела: она видела, как он поглядывал на входную дверь, ожидая Тони, но та так и не пришла.

Люси задавалась вопросом, с кем была Тони в этот момент. И что значило для клиентов ее имя.

Она снова взглянула на Бакета. Он поймал ее взгляд и притворился, что просматривает стенд с кучей грязных старых комиксов. Но через несколько мгновений его взгляд снова скользнул в сторону двери.

Люди одиноки, понимаешь?

Через час Люси наконец почувствовала, как впервые за долгое время расслабились плечи. Прикрепленные к стене коврики отпружинили, когда она провела по ним пальцами, и Люси испытала внезапную тоску по лесам рядом с местом, где родилась, по грубой коре деревьев и тому, как та царапала кожу рук и как от этого контакта она чувствовала себя открытой миру и живой. Люси закрыла глаза и попыталась вспомнить запах места, которое считала домом, пока не пришли власти, забрали ее и поместили в приют, а также внесли ее имя и фотографию в базу данных для усыновления.

Но все было бесполезно. То место и все хорошее вместе с ним казалось давно потерянным. Теперь она живет в новом мире, полном острых, хрупких, липких можжевельных деревьев и холодных пустынных ночей, наполненных воздухом таким же пустым и подлым, как лица белых мальчиков, которые одновременно смеялись над ней и воцелели ее. В мире, где полно детей без гроша в кармане и детей со всеми деньгами мира – а еще попадают парни, которые орудуют окровавленным учебником и болтают о сигналах в мозге.

Плечи снова напряглись.

Твою мать!

Все равно уже пора уходить. Бакету утром на работу в «Калбертсон». Хендерсоны хотели, чтобы Люси сходила на сеанс к какому-нибудь психотерапевту, хотя она сказала им, что все в порядке.

«Я доверяю тебе, Люси, но мне трудно поверить, что с тобой все в порядке».

Вдобавок к навязчивой чуши о горе, ходили слухи, что округ решил не отменять три последних дня обучения, несмотря на трагедии в школах. По слухам, некоторые влиятельные

родители потребовали, чтобы церемония вручения дипломов все-таки состоялась. Если это правда, то, значит, Люси и Бакету придется доделать домашнюю работу.

Она представила, как сидит на кухне и решает дифференциальные уравнения.

Это и есть ответ. Вы дали нам ответ.

Затем хруст. Впалое лицо мистера Чемберса.

«К черту оценки, – подумала она. – Пусть сделают поблажку».

Бакет стоял у прилавка с Иудой и шутил, что купит для своей машины наклейку с надписью «Настоящий жеребец».

– Мне нравится. Тонко.

– Серьезно? Считаешь, это тонко?

– Конечно. Если бы я правдивую наклейку лепил, то взял бы с надписью «Двадцатипятисантиметровый кискоразрушитель». А эта не такая прямолинейная, но девушки все равно будут знать, что я, так сказать, опытный специалист.

Иуда засмеялся:

– У тебя прям ствол там.

– Не буду сильно хвастаться. И вообще это не твое дело. Но что могу сказать: девушка у меня была в Калифорнии...

– Ну началось, блин, – сказала Люси.

– Не обращай на нее внимания. Так вот, в Калифорнии я с такой девушкой встречался, пока родители не перевезли меня в этот дерьмовый город. Без обид.

Иуда поднял руки.

– Да я ж не мэр. Городок и правда дерьмовый.

– В общем, моя девушка работала моделью. Очень красивая была, но такая худая. Понимаешь?

Иуда кивнул.

– И с моим агрегатом ей было сложно. В детали не буду вдаваться, я ж все-таки джентльмен, но скажу одно: приходилось ее на четыре пальца растягивать, прежде чем в нее влезало.

Иуда засмеялся и покачал головой. Люси не могла понять, почему мальчики мгновенно теряли IQ, стоило им заговорить о сексе.

– Так что вот, – сказал Бакет, – куплю лучше эту наклейку.

– Бери, приятель. За счет заведения. – Иуда вытащил наклейку из-под стекла и отдал ее Бакету. – Запишу на свой счет.

– Спасибо, чувак.

– Без проблем, мелкий. Я твои сказки готов весь день слушать.

Бакет просиял. Иуда продолжил:

– Да и вы вроде хорошие ребята. Не то что мелкие ублюдки из Брауэр Бьютт. Такую херню творят. Воруют, хотя деньги у них есть. К коту пристают. Гады. Ты даже не представляешь, что они Тони говорят.

Люси сразу вспомнила клички и жесты, которые они с Бакетом регулярно терпели – как легко мальчики выкрикивали в лицо «ослобка» и «латиноска», – и опустила глаза в пол. Затем посмотрела на Бакета: тот стиснул зубы.

Иуда, должно быть, заметил их реакцию.

– Что же... Наверное, все-таки представляете, да? Ничего не меняется. В моем детстве то же дерьмо случалось. Пацаны другие, поведение то же. Я жил за Вестерхаусом, так что вы уже примерно понимаете, как я рос и смотрел на богатых детей, представлял, что у меня есть все то, что есть у них – возможности, минимум забот, – и так завидовал. Потом стал продавать травку, и парни взяли меня в свою тусовку. Машины у них крутые были. Когда с ними катался, мне тоже девушки иногда перепали. Но мне с ними было беспокойно. Мне они какими-то... странными казались.

– Как будто они в любой момент могли стать жестокими? – спросила Люси. Пару раз она пыталась подружиться с подростками из Брауэр Бьютт, но всегда чувствовала себя либо аксессуаром – «цветной подругой» – либо диковинкой, жучком, которого изучали, пока не надоест, под увеличительным стеклом, а потом от скуки отрывали крылья.

– Ага. Иногда они и правда были жестокими. Как-то вечером я возвращался с их компанией с вечеринки в Рок Фоллс, и Джастин Норрис увидел кота. Явно уличного: ребра прямо выпирали. Джастин сел на корточки, начал подзывать кота и протянул руку, будто у него еда была, а другие парни, ну, шутить начали: «Джастин хочет киску». И подобное. Вот, наконец, кот как бы подходит, но осторожно. Он очень голодный. И стоило ему подойти совсем близко, как Джастин схватил его сзади за шкуру, поднял, а потом как пнул его со всей силы куда подальше.

– Пнул?

– Ага. Я слышал, как кот взвыл, когда врезался в дерево, а парни кричали: «Черт возьми, Норрис!» и «Господи!». И смеялись. В основном все смеялись. Вот это просто самое ужасное. Будто они загорелись и наконец-то что-то почувствовали. И все же я уловил что-то еще. Думаю, они тоже немного испугались. Им всегда было просто скучно. Я-то работал, о жизни беспокоился, мне скучать было некогда... А эти ребята... Помню, однажды Тодд заглянул в набитый едой холодильник у себя в гараже, простонал и сказал: «Одно говно. Ненавижу».

Люси взглянула на Бакета, пытаясь без слов выразить: «У чувака проблемы с головой».

Но Бакет даже не взглянул на нее. Вместо этого спросил:

– А с котом что?

– Мы слышали, как он пищит у дерева. Помню, Тодд сказал: «Да ты просто расхерачил эту киску, Норрис!», – а потом мы зачем-то пошли смотреть. Кот был весь переломан. Задняя лапа согнулась в обратную сторону, кость торчала наружу. Из пасти текла кровь. Я сразу схватил ближайший камень, опустил и прикончил его. Быстро и резко. Одним ударом. Убеждал себя, что спасаю кота от большей боли. А то потом пришли бы койоты. Но на самом деле нутром чуял, что парни с котом еще не закончили. И дальше будет хуже.

Люси представила, как менялись лица парней, стоило им собраться в группу. С девушками тоже такое бывало. В группе все как костяшки домино: стоит одному пасть, как остальные портятся следом.

Иуда продолжал:

– Вот так вот. После этого я с ними больше не гулял. Думал на следующий день сообщить в полицию, но родители всегда учили держаться от полицейских подальше, да к тому же отец Джастина – крупный бизнесмен, ему принадлежит бо́льшая часть фабрики патронов. А пацаны все равно свалили бы все на меня. «Иуда психанул и убил кошку». А против их слов мои что-то значат?

– Не-а.

– Но самое странное – я с Джастином в городе вижусь. Он в Сент-Эндрюсе работает, в педиатрии. Иногда встречаю его с друзьями в барах. Почти все они растолстели, завели детей, и все такое, но мне сразу видно: им все еще так же скучно. И это пугает. Потому что я задаюсь вопросом, чем они теперь занимаются, чтобы смеяться так, как тогда.

Повисло долгое молчание.

Люси сказала:

– Может, они повзрослели и изменились.

Люси всегда тайно надеялась, что со временем и возрастом люди становятся добрее друг к другу.

Иуда глотнул из огромной кружки черный кофе и взглянул на Люси.

– Надеюсь, что изменились. Но я видел их детей, и у них ровно такой же взгляд. Не знаю... Моя девушка считает, что я предвзят о сужу, но она-то росла с приличными деньгами.

Думаю, родители детям свою болезнь с генами передали. Ну, или все дело в деньгах. Не знаю... А теперь это происшествие в Спринг Мидоу. Кармайкл из нищих, так еще и психом оказался. Знаю его дядю Скотта, так тот сказал, что не может найти объяснения. У семьи определенно есть проблемы, но Скотт твердит, что пацан не был жестоким от слова совсем. Ну так какого черта тогда? А Миллер... Всегда приветливым был, когда заходил, он тоже из нормальных, несмотря на деньги. Мир у его ног был, а собственная мамаша прикончила его во сне? Боже... Что, черт возьми, происходит в этом городе? Иногда мне кажется, что прямо глобально все идет не так. Понимаете, о чем я?

Хриплый влажный вой раздался у входа в магазин, и Люси и Бакет не успели ответить.

Иуда посмотрел на настенные часы, и на лице выступило встревоженное выражение, будто его из размышлений резко выдернули в реальность.

– Я про Бламперса забыл, твою ж мать.

– Бламперса? – спросила Люси.

– Магазиновый кот. Я забыл ему укол сделать. Черт. – Иуда исчез за прилавком, а потом появился со шприцом для подкожных инъекций. – Без укола он становится раздражительным и странным. Падает отовсюду. Из-за лекарства его дерьмо пахнет жидким дымом для вяленого мяса, но всяко лучше, чем смерть.

Бламперс снова издал печальный сдавленный писк с окна, и Люси подумала о *другом* коте – из рассказа Иуды. Представила его последние мгновения: как он преисполнился надежды, затем растерялся, воспарил в воздух и разбился.

А потом его убили.

Рука с камнем замахивается и ухает вниз.

Учебники с грохотом падают на пол.

Крики и фиолетовый дым. Стрельба и кровь.

Тревога усилилась. Сердце учащенно забилося, кожа на груди и лице запылала.

Что случилось в тот день? Что я видела?

Иуда посмотрел на нее:

– С тобой все в порядке?

– Да... Я в порядке.

Но это была ложь, и Люси чувствовала, как к глазам подступают слезы, и она осознала, что если начнет плакать, то, возможно, еще долго не сможет остановиться, а потому выбежала из «Эксчейнджа» на прохладный вечерний воздух.

Добравшись до машины Бакета, она наклонилась, уперлась руками в крышу и вздрогнула от нахлынувшего стыда.

Бакет подошел и нежно положил руку на плечо.

– В чем дело?

Люси выпрямилась и развернулась, затем шмыгнула носом и сморгнула слезы, что рвались наружу.

– Я ничего не понимаю.

– Ага.

– Тебе, например, не казалось, что последних недель просто не было? Невозможно поверить, что они реальны?

Бакет прислонился к машине, а вслед за ним и Люси. Солнце шло к закату, наступал холод. Ветер из пустыни коснулся кожи, и Люси вздрогнула.

В витрине магазина Иуда склонился над Бламперсом и вкалывал ему лекарства. Он посмотрел в окно на Люси и Бакета. На его лице читалось смущение, но он примирительно помахал рукой, прежде чем вернуться к обязанностям кошачьей сиделки.

Бакет сказал:

– Иногда, когда я только просыпаюсь, – не помню о произошедшем. Потом вижу встревоженные лица родителей, и все возвращается. Никак и нигде от этого не спрячешься.

Люси кивнула и смотрела, как солнце садится за горизонт, окрашивая облака: сначала в розовый, затем в темно-фиолетовый.

Она снова почувствовала запах дыма и спросила себя, чем же надышалась в классе. И про какую «группу» и «протокол» говорил Крис? Неужели ей это почудилось? Почему люди с оружием появились так быстро? На полицейских они явно не походили...

Дыхание участилось. Снова закружилась голова.

– Так всегда будет, как думаешь? – спросила она.

Бакет задумался.

– Вряд ли. Мама всегда говорит: «Перемены – единственная постоянная вещь в жизни». В детстве меня это пугало. А теперь... Все изменится, иначе быть не может. А если нет...

– Если ничего не изменится, то просто возьмем твою машину и поедем, пока она не выдохнется.

Люси вспомнила, как приехали Хендерсоны, чтобы взять ее под опеку. Иногда все правда налаживалось, хоть и ненадолго.

Разве мне здесь стало лучше? Да ну? Я видела, как умерли два человека.

Бакет шлепнул по крыше автомобиля.

– На этом хочешь убежать? Да она едва дышит. Да и откуда мы деньги возьмем?

– Банк ограбим.

– Ты серьезно?

– Ну... нет. Ненавижу маски. Можно продать всякий хлам. Ты накопишь деньги с зарплаты. Будем жить в дешевых хостелах. Поедем на север, в Портленд. Слышала, там можно жить в палатках.

– Ты хочешь жить в палатке?

– Не очень-то. Но и здесь жить не смогу, наверное. Ты же слышал Иуду... Ничего не меняется.

– Иуда, как бы это сказать, немного перегорел. Парень он, конечно, хороший, но будто застрял в старшей школе, понимаешь? И у него на бампере грузовика наклейка «Ночного Стража». Это что-то с теориями заговора связанное. Так что странно его советы слушать.

– Замечательно. Просто охеренно! Если собираешься дальше негативить, то лучше отвези меня домой.

– Хорошо. Запрыгивай.

Бакет уныло сгорбился, обошел свою машину и достал ключи.

Я слишком резко ответила? Или он просто расстроился, что Тони не пришла?

– Погоди.

– Что?

– Просто послушай... Извини. Я не на тебя злюсь. Ты же понимаешь. Пожалуйста. Я сейчас не могу домой.

Бакет вернулся. Они оба уставились на последние лучи заката. Небо из пурпурно-розового окрасилось в темно-синее, а очертания далеких гор загорелись ярко-белым.

Люси сказала:

– Тут красиво, если не думать про все остальное.

Бакет рассмеялся и поежился.

– Сколько еще хочешь тут стоять?

– Пару минут. Цвет еще раз должен смениться, прежде чем совсем уйдет.

– Отлично. Но мне захотелось тако. И лучше побыстрее. – Бакет вытащил из кармана телефон и начал листать. – Черт. Сигнал все еще слабый. Постоянно кидает в режим «только для экстренных вызовов».

– Смени оператора.

– Да знаю. Но мама говорит, что если хочу поменять, то платить сам должен, так что... В любом случае проблема не в операторе. Кевин Гирхарт сказал, что у него телефон тоже глючит.

Люси вспомнила, что утром Билл ходил по двору, уставившись в телефон. Что он там сказал Кэрл? «Из-за ветра в пустыне сигнал ни к черту»? Похоже, Бакет прав. Но, по правде, Люси было плевать: после произошедшего она перестала пользоваться телефоном и не заходила в социальные сети. Доктор Нильсен похвалила это решение, и с каждым днем желание вернуться становилось слабее.

Бакет ушел ко входу в магазин и высоко вытянул телефон, выгнувшись всем телом. Его лицо освещал тусклый голубой свет.

– Черт, всего одна палка. Но грузит.

Люси пнула прилипшую к асфальту грязную жвачку. Ей хотелось уйти. Но Бакет что-то узнал. Он взволнованно подпрыгнул, опасаясь потерять связь.

– Ни хрена себе. О да. Получилось! Больше занятий в этом году не будет. Старшеклассникам просто разошлют дипломы, а все остальные мероприятия отменяют. Чьи-то родители в ярости. Они решили организовать собственный выпускной на поле для гольфа в Риджкресте.

Облегчение захлестнуло Люси с головой: да пусть вышлют хоть кислоту или ракетные установки. Главное – ей не придется возвращаться в Спринг Мидоу.

– А еще все только и говорят, что о летних каникулах. Похоже, завтра вечером в Восточных Медвежьих пещерах устраивают большую вечеринку. Брюэр пишет, что может отвезти нас туда, если хотим.

Люси закатила глаза. Дэнни Брюэр был наркошей, прикрывал плохую кожу копной крашенных черных волос и постоянно пропускал школу из-за отстранений, связанных с наркотиками. Он вечно что-то предлагал Бакету, словно друг, но Люси видела, как Брюэр на нее смотрел. Его намерения были вполне понятны.

Если честно, то он был довольно симпатичным, если не обращать внимания на прыщи, плохую осанку и невымытые волосы, но у Люси с детства развилось отвращение к людям, которые постоянно косячат. Она дикому животному лучше бы доверилась.

– Ни за что, Бакет. Ты видел вмятины на машине Брюэра?

Бакет не ответил, замороженно уставившись в телефон. Его лицо приняло взволнованное выражение, и она почувствовала новую волну тревоги.

– Что такое? В чем дело?

– Джейсон Уорд.

– В чем дело? Родители купили ему еще один «ягуар»?

Уорд был настоящим заносчивым засранцем, жил в резиденции за железными воротами, да еще и выше всех в Брауэр Бьютт, так что из всех окон его дома открывался вид на долины. С Люси он никогда не разговаривал, но постоянно плевал на шкафчик Бакета, когда проходил мимо, а зимой заменял плевки на жирные зеленые сопли.

– Нет, не совсем, – сказал Бакет. – Он пропал. Никто не видел его уже три дня. Судя по всему, родители об этом вчера сообщили.

Какой родитель будет так долго ждать и не звонить в полицию?

Люси пришло в голову, что родители Джейсона могли быть похожи на ее родителей из Перу, и они замечали его лишь тогда, когда им было удобно.

– Но это еще не самое плохое. Не хочу, чтобы связь пропала, так что подойди.

Люси не знала, сможет ли она выдержать еще что-нибудь «плохое», но любопытство взяло верх.

– Смотри, – сказал Бакет. – Комментарий Кэрри Зелински.

На фотографии Кэрри склонила голову, чтобы показать свое идеальное лицо, дорогую косметику и длинную шею, которую обрамлял кашемировый свитер. Сообщение рядом гласило:

во вторник вечером была на смене в «У Тэсти», видела его

он был бледный, все время потирал повязку на шее

купил вафельный рожок с печеньем и сливками, но не стал есть и рожок начал таять а когда я сказала ему об этом он сделал вид что не услышал

он смотрел прямо перед собой и сказал что-то типа они сделали это со мной а я спросила кто и он сказал что им все равно и это не прекратится и у него дрожали руки а потом он бросил мороженое и убежал

тааак волнуюсь за него ребята боже мой

мне так тяжело сейчас и я молюсь за него и его семью

Джейсон мы тебя любим скорее возвращайся домой целым и невредимым

Люси вздрогнула. Она отвела взгляд от телефона и поняла, что пропустила последние краски заката. Теперь в пустыне царила темнота да сновали резкие ветры.

– Черт. Теперь можем поехать домой?

Вместе с Бакетом они сели в машину, и по дороге никто из них не проронил ни слова, ведь оба знали, что будут говорить о Джейсоне и тем самым признают то, о чем глубоко в душе уже догадывались: Джейсон не вернется целым и невредимым, и одними молитвами ему уже не поможешь; и когда они доберутся до дома, придется еще усерднее притворяться, что все в порядке.

Глава 3

Ночная поездка

Следующим вечером на ужин была тушеная говядина с морковью, картофелем и обильной порцией душной родительской заботы. Хендерсоны даже приглушили лампы в столовой, будто слишком яркий свет может убить Люси как какого-то тритона-альбиноса. Весь день в ее дверь вежливо стучали, предлагали тихим спокойным голосом любимые десерты и смотрели на нее с напряженным от беспокойства выражением. Казалось, стоило ей войти в комнату, как Билл и Кэрол затаили дыхание.

Объективности ради, она почти с ними не разговаривала с тех пор, как уехала прошлой ночью с Бакетом, а потом все утро провалялась в постели, уставившись в стену. Хотелось и дальше притворяться, отчасти ради Билла и Кэрол, а отчасти для того, чтобы они оставили ее в покое. Но Люси знала по опыту: иногда все-таки полезно закрываться от других.

Как там сказала доктор Нильсен? Это избегание?

Люси нравилось избегание: ей было комфортно, когда реальность уходила на дальний план, как и тогда, когда Хендерсоны только привезли ее в Штаты. Но также Люси понимала, что еще немного, и они начнут ломаться: через несколько месяцев после ее удочерения Хендерсоны чуть не развелись. Понятно, что больше всего на свете они хотели для нее нормальной жизни, чтобы все вернулось на круги своя, и тогда они смогут двигаться дальше, как обычная семья.

Да пошли они к черту. Это моя жизнь. Они-то не видели того, что видела я. Они бы уже транквилизаторами закидывались и работать бы не смогли.

Люси отстраненно проанализировала это чувство.

А это как называет Нильсен? Реактивность, верно?

Наконец она неохотно вылезла из постели, чтобы сходить в туалет. Она прошла мимо кабинета Билла; он смотрел местные новости. Обычно в это время дня он смотрел новости по кабельному.

Он увидел ее и улыбнулся:

– Доброе утро, Лулу.

– Доброе. Это не Си-эн-эн?

– Не-а. Кабельное сломалось. Еще и телефоны не работают. Я скоро жаловаться буду. Очень жаль сотрудников колл-центра, но пора вернуть нам сеть. Вчера говорил с Дэнилсонами, у них та же проблема, так что...

Билл пожал плечами, словно говоря: «Ничего тут не поделаешь».

– Думаю, скоро всё починят.

– Надеюсь. Кажется, местные новости все еще снимают в какой-то коробке. У города столько денег, а формат в 70-х застрял. И вот что имеем.

Билл пренебрежительно показал телевизору средний палец, и Люси засмеялась, пока не увидела изображение на экране.

Джейсон.

«...у полиции нет новых данных о пропаже местного жителя Джейсона Уорда. Семья Уорд и полиция Тернер Фоллс просят всех, у кого есть важная информация, связаться по указанному ниже номеру».

Билл вопросительно взглянул на Люси, но ничего не сказал, а она уже развернулась, чтобы убежать в ванную.

Включив вентилятор, чтобы заглушить шум, она схватила толстое полотенце с вешалки у ванны и села на унитаз. Сложила полотенце вдвое, уткнулась в него лицом и закричала так тихо, как только могла. С губ сорвался то ли стон, то ли животное рычание – раньше от себя

она такого не слышала, и это пугало еще больше. Люси боролась с растущим внутри чувством, что велело ей разорвать полотенце в клочья, разбить зеркало, пробить дыру в двери и расщепить окружающую реальность до субатомного уровня, чтобы остались лишь мелкие частицы и ее гнев. Она представила, как откидывает голову и открывает рот, чтобы снова закричать, но продолжает разводить челюсти, пока они не отделяются, как у змеи, и продолжает, пока их не разорвет надвое и изнутри не вырвется белое пламя. Ее трясло, она ждала, пока эти дурные мысли покинут ее разум, и задавалась вопросом, что станет с яростью, которую она запрет внутри. Глубже зарывшись лицом в полотенце, она прикусила его и затаила дыхание, пока перед глазами не заплескали звезды. Наконец гнев, подобно отливу, отступил. Она вытерла глаза, ополоснула лицо и вернулась в постель, где можно было ничего не делать и ни о чем не думать.

Позже с кухни донеслись приглушенные, но настойчивые голоса Билла и Кэрол, а потом голос Билла внезапно стал громче:

– А что я, черт возьми, должен сделать, Кэрол? Может, подскажешь, а?

Они были на грани срыва.

Пришло время ужина. Люси зашла на кухню, и на их лицах отразилась любовь, сгладив выражения.

Люси сказала:

– Тушеная говядина? Вкусно пахнет. Может, поедим сегодня в столовой?

– Конечно, милая. Сейчас все разложу.

С улицы донесся громкий вой. На секунду потолок вспыхнул синим и красным светом, но огни пронесли мимо. Люси отметила, что впервые слышит сирены в их районе.

– Наконец-то занялись лихачами. От лежащих полицейских никакого толка.

Еще одна полицейская машина пронеслась по улице вспышкой света и звука.

Ситуация настораживала, но Люси притворилась, что все хорошо, так как знала, что Билл и Кэрол не хотят, чтобы какая-то мелочь все испортила.

За ужином они вели пустой разговор, опасаясь разрушить иллюзию нормальности. Билл упомянул погоду и как в это время года из-за ветра ему сушит нос. Кэрол с нетерпением ждала возвращения кустарниковых соек в сад. Все трое по очереди похвалили еду. Люси старалась, чтобы не выдать ничего взглядом, и надеялась, что улыбается вполне убедительно. Каждым третьим или четвертым кусочком она подавляла нарастающий крик.

Только не сорвись.

Посмотри на них. Они любят тебя. Им важно, чтобы у тебя все было хорошо.

Люси хотела сказать им что-то правдивое и правильное, чтобы они могли расслабиться. Она представила, что говорит: «Я люблю вас и всегда буду любить за то, что вы спасли меня, даже если сейчас я не чувствую себя в безопасности. За последние две недели умерли два мальчика и учитель, а я видела что-то необъяснимое, и теперь не могу убежать от этого кошмара, и мне ужасно страшно, и вы мне сейчас очень нужны». А потом она заплачет навзрыд, трясаясь всем телом, из-за глубокого откровения, а они обнимут ее в благодарность за то, что она принимает их любовь.

Мир закружился, стал каким-то странным, и она поняла, что, вероятно, правда – это единственный способ вернуть ощущение безопасности, так что она выпрямилась и на мгновение почувствовала храбрость, но тут очередной всполох красно-синего света пробежал по потолку столовой, вой сирен отозвался уколom паники внутри – и мужества как не бывало.

И все же она закончила трапезу, пошутила с Биллом по поводу отключения кабельного и еще раз похвалила кулинарные навыки Кэрол, изо всех сил избегая говорить что-либо правдивое.

Как только представление закончилось, Люси сказала спасибо, извинилась, встала из-за стола и как можно спокойнее направилась ко входной двери в надежде подышать свежим воздухом на лужайке перед домом.

Ночь стояла безлунная, россыпь звезд плыла по небу. Люси посмотрела на них, глубоко вздохнула и пожелала, чтобы что-нибудь сейчас схватило ее и утащило прямо в космос.

Она наслаждалась этой фантазией, пока яркий, неестественный свет и грохот двигателя не прервали мысли. Дважды просигналил клаксон, и она увидела старый, сильно помятый красный пикап с заклеенным скотчем окном кабины. Над кузовом тянулся неподходящий по размеру серый навес и виднелась куча ламинированных разрешений на въезд в туристические зоны и выцветшая наклейка Led Zeppelin.

Это гребаный Брюэр.

Из пассажирского окна высунулся Бакет.

– Привет!

– Привет в ответ, чувак.

– Телефон вообще не работает, так что мы решили заехать за тобой. Едем в пещеры. Ты с нами?

– Эм... нет. У меня сейчас не очень...

Брюэр опустил стекло и высунулся наружу.

– Привет, Люси. Как дела?

– Нормально. С семьей ужинаем.

– А, прямо сейчас, что ли? – Он, казалось, искренне переживал, что ей помешал. Волосы прикрывали один глаз, но другим он смотрел прямо на нее. Выглядел он спокойно и дружелюбно. Не беспокоился за нее, не волновался и явно не пытался ей помочь.

– Сегодня ночью вид в пещерах будет просто потрясающий. Не поверишь, почти весь Млечный Путь будет как на ладони.

Он что, видел, как я на звезды засмотрелась? Ну, для него-то, конечно, вид потрясающим будет. Он, скорее всего, уже под кайфом.

Люси смотрела на взволнованных парней и представляла, как всем телом ощущает дрожь от пикапа Брюэра, прохладный воздух, врывающийся в окна, и долгую ночную поездку.

Она обернулась и взглянула на дом. Никогда раньше он не казался ей таким маленьким и гнетущим. Она кожей чувствовала исходящий из окон теплый, как жар от духовки, свет и то, как желание Хендерсонов побыть с ней цепями опутывает грудь.

Заглянув в дверь, она крикнула Биллу и Кэрол, что уходит.

Они сказали, что любят ее. Она кинулась в ночь, пока эти слова не смогли причинить им еще больше боли.

Смахнув в сторону пустые пивные банки и пристегнувшись, она наконец смогла устроиться в кабине и осознать последствия своего спонтанного решения.

Я позволила Брюэру меня подвезти.

И не куда-нибудь, а на вечеринку. В лесу.

Туда, наверное, половина школы придет. Все знают, что я была в классе мистера Чемберса в тот день, когда это случилось.

Джейсон Уорд пропал без вести.

Почти все телефоны в городе не работают. А вдруг кто-то упадет в костер? Джош Кинер вышел из колонии для несовершеннолетних. Вдруг он затеет драку и снова перережет кому-нибудь горло? Или еще чего похуже? Всегда есть что-то похуже.

А если те полицейские машины, что я слышала, направлялись как раз на вечеринку?

У этого старого побитого пикапа точно нет подушек безопасности.

Твою мать.

Но когда Люси начала отстегиваться и в панике напрягла извилины, чтобы придумать какую-нибудь отговорку, грузовик пришел в движение. В ту же секунду ее охватило странное спокойствие – то ли из-за того, что дом остался позади, то ли из-за воспоминаний о поездках с родителями, как она ребенком лежала на заднем сиденье и вдыхала сладкий запах черимойи. Люси решила, что все же прокатится с парнями. На телефоне есть несколько книг. Если на вечеринке станет напряжно, она просто уйдет в пикап Брюэра и будет читать, пока не придет время уезжать.

Но осталось кое-что проверить. Люси подняла пустую пивную банку с пола и постучала Брюэру по плечу.

– Ты пил сегодня? Если пил, то пусть Бакет за руль сядет.

– Да, я сегодня все это выпил. Сидел в парке, громко музыку слушал и одну за другой залпом глотал. Потом темнеть стало, я увидел летучую мышь и испугался.

– Ты серьезно?

– Да не, про летучую мышь я наврал.

– Слушай, чувак... Ты много выпил? Останавливаемся тогда.

Брюэр рассмеялся.

– Да не надо останавливаться. Во-первых, это осталось еще с похода три недели назад. Во-вторых, все выпил Билл Стэнтон. Я не пью эту мочу. На следующий день голова от нее болит. В-третьих, не уверен, что Бакет умеет водить механику. И, в-четвертых, пить сегодня я не собираюсь.

– А-а...

– Ага. Так что остынь. Вместо пива я купил клёвые цветные грибы. У них шляпка прям фиолетовая, а ножка синяя. Они охеренные. Но если их мешать с алкоголем, в животе прям щипать начинает. Типа, «Аааааа! Ооооо! Мой животик!»

Брюэр согнулся и схватился за живот, а затем рассмеялся. Люси пугало его возможное безумие, но она тоже засмеялась.

Бакет откинулся на спинку сиденья и повернул голову к Люси:

– Умею я водить машину, Люси. Я развезу нас домой.

– Правда, бро? – спросил Брюэр. – Зашибись! Я думал пару ножек и шляпку попробовать, а теперь я могу сразу всем пакетом закинуться. Обалдеть. Ты мой и Т, и В.

– И трезвый, и водитель?

– Да, тупо вышло. И пофиг. Я сейчас прям очень взволнован. Я ж скоро столько галактик увижу, бро.

Он протянул Бакету кулак. Бакет посмотрел на кулак. Брюэр сказал:

– Дай кулак, или получишь.

Бакет подчинился, и Брюэр издал несколько громких звуков.

– Долго ждал, бро, супербомба получилась. Не надо так.

Люси снова рассмеялась, и, казалось, в этот момент с груди будто сняли камень. Непонятно, Брюэр на самом деле был тупым или просто развлекался, но ей нравилась его беззаботность. Она хотела стать такой же свободной.

Люси отметила, что от Бакета пахнет духами, которые родители подарили ему на прошлое Рождество. Он всю бутылку на себя вылил, что ли? Аромат заполнил кабину, смешавшись с вонью несвежего пива и запахом раздевалки, в которой толпились мальчишки. Она не могла решить, нравится ей этот запах или нет, но что-то он в ней точно пробуждал. Приоткрыв небольшое тонированное окно справа, она наклонилась навстречу прохладному воздуху пустыни.

Затем она увидела, как Брюэр смотрит на нее в зеркало заднего вида. Теперь ветер отбрасывал волосы с лица, и она видела оба его глаза. Люси и Брюэр не отводили взгляд друг от друга, хотя ехали по шоссе, явно превышая скорость.

Он сказал:

– Свежего воздуха захотелось? Не понравилась вонючка Бакета или мои яйца?

– Что?

– Я брату двоюродному с прудом помогал на ферме Брубейкеров, весь день в джинсах. Ходил как с болотом в паху, но домой без ног вернулся и вместо душа подремал. Я ж даже не думал, что ты поедешь, понимаешь? Думал, будет только Бакет да мои грибы.

– И?

– Да не знаю. С пацанами я без проблем могу грязным ходить, а с тобой себя немного странно ощущаю. Я вонь уже отсюда чувствую. Как-то некрасиво.

– Да нет, не в этом дело.

Она собиралась сказать, что всему виной одеколон Бакета, потому что по запаху он напоминал спрей для дома престарелых, но согласно кодексу дружбы стебаться друг над другом можно наедине, а вот когда появляется третий – уже запрещено. Не стала бы она его предавать.

– Просто люблю свежий воздух.

– Круто. Я тоже. Иногда даже открываю окна зимой у себя в спальне.

Люси тоже открывала, но говорить этого не стала. Она заметила, как Бакет сгорбился, и поняла: до него дошло, что его использовали в качестве посредника, а теперь сделали третьим лишним. Она решила снова вовлечь его в разговор.

– Бакет.

– Что?

– Ты что-нибудь для вечеринки захватил?

– Почти ничего. Звонил Трише Говард, чтобы она мне пива купила, но телефон не работает. Из шкафа родителей стащил какую-то тряпку, скрутил косяк, но больших надежд не питаю. Травка совсем сухая.

Брюэр заговорил мультяшным голосом:

– Что, она прям совсем сухая была?

Они снова стукнулись кулаками. Люси заметила, как после шутки лицо друга просветлело. Бакет сказал:

– Ага, такая же сухая, как вторая киска Тины Пламбер.

Шутка понравилась Брюэру: он фыркнул и покачал головой.

– Чувак, с ней полный треш.

Люси не нравилось то, как парни отзывались о других девушках в ее присутствии: они либо говорили что-нибудь унижительное, делая вид, что ее вообще рядом не было, либо не делали вид, что ее не было, и говорили что-то *очень* унижительное. И все же ей было любопытно. У Тины и правда есть вторая вагина? И насколько же тогда все плохо, раз она сама об этом не слышала?

– Над чем смеетесь, обезьяны? У Тины правда есть...

– Фу, не надо, Люси. Это мерзко.

– А твои потные яйца – не мерзко?

На самом деле ей нравилось, что он открыто говорит о своем теле. Ей казалось, что это показатель уверенности. Другие мальчики говорили ей всякие мерзости, чтобы шокировать или дать понять, что ее мнение мало что значит. Но Брюэр был другим.

Бакет подал голос:

– Люси мерзостью не пробьешь. Однажды я показал ей «Вечеринку с гуакамолем» на телефоне, а она даже бровью не повела.

Люси и правда не повела – не могла же она отказаться от интернет-челленджа! – но позже вечером думала про девушку из видео и плакала. Правда, Бакету этого не сказала. Он часто говорил, как рад, что она «своя в доску», и расстраивать его не хотелось.

– «Вечеринка с гуакамолем»? Серьезно? – спросил Брюэр. – Даже вспоминать ее не хочу. Меня даже бесит, что ты мне про нее напомнил. Там такая грязь.

– Погодите, – сказала Люси, – Так что, у Тины и правда все так плохо?

– Да нет. Просто, наверное... Слушай, помнишь, все говорили, что я курил с лампочки на дне рождения Ады Кейзер?

– Ага.

– Это все херня на самом деле, но слухи так быстро разнеслись, что уже дня через два меня двоюродный брат про это спросил. Мне кажется, ни хера не прикольно, когда пускаешь какой-то неподтвержденный слух.

Пикап приближался к Восточным Медвежьим пещерам. Городские уличные фонари остались позади. Луна скрылась, и дорога шуршала под колесами в свете одних фар. Люси подумала о словах Брюэра. Она многое слышала о нем и его двоюродном брате Родни, о его семье, что живет в промышленном районе за Вестерхаусом. Говорили, что они варят метамфетамин, воруют и наркоманят и разводят собак для боев. А Брюэр употребляет кокаин.

Что из этого было правдой?

Люси знала, что Брюэр хорошо учился, когда хотел. Один раз она услышала его имя в списке лучших учеников во время утренних объявлений и не поверила, пока его не упомянули в следующей четверти. Ей стало интересно, какой он на самом деле. И какую ложь слышал о ней. Она сказала:

– Тогда необязательно об этом говорить.

– Да раз уж начали – что уже. Я, кстати, это от Бена узнал. Да и Тина какая-то бешеная, так что, думаю, определим этот слух в категорию «Возможно, правда».

– И?

– Ты же знаешь, что Тина верующая? В общем, устроили у них какое-то мегацерковное мероприятие, типа концерта бойз-бэнда. «Англы в ударе», кажется. Думаю, метал-группе больше бы подошло такое название. Но мы сейчас не об этом. Короче, пришла она на этот концерт, а в конце на сцене у них происходит что-то вроде обращения к Иисусу, где можно дать «Клятву непорочности». Дает она эту клятву, обещает свое сердце Иисусу, говорит, что сохранит девственность для придурка, который до свадьбы даже знать не будет, хороша она в постели или нет.

– О-оу.

– Вижу, понимаешь, к чему идет. Тогда она с Беном Брумке встречалась, он тоже в церковь ходит, но потому, что родители у него верующие. Как раз в церкви они и пересеклись, и Тина решила, что с ним можно встречаться.

Люси вспомнила, как Бен Брумке прошел у ее шкафчика и сказал: «Забыла дома обед? Могу поделиться кое-чем питательным». – А затем начал издавать неприятные влажные звуки, от которых ее затошнило.

– Тина ошиблась.

– Можно и так сказать. В общем, Брумке на нее все давил, и через месяц Тина сказала, что девственность свою не отдаст – это святое, но она списалась по Интернету с другими христианками и может предложить ему кое-что другое.

– Задницу! – выкрикнул Бакет. Казалось, эта часть истории ему очень нравилась, и Люси опешила: у Бакета явно были определенные предпочтения, которыми он никогда с ней не делился.

– Ага, задницу. Что лично для меня очень странно. Я всегда думал, что это бонусный уровень. Типа, сначала надо победить всех боссов и собрать все звезды, кольца или что там, потом нужна куча оральных ласк, и только потом ты, возможно, доберешься до задницы. А тут тебе слабый босс первого уровня. Понятное дело, Бен соглашается, сразу начинает ее долбить. Он рассказывал, что она все время держала сложенные руки перед лицом, будто молилась,

а ближе к концу заплакала. Потом они лежали, она еще немного поплакала, а потом посмотрела на Бена со странным выражением и сказала: «Не могу поверить, что ты любишь меня так сильно, что готов ждать. Клянусь, ты получишь всю меня, как только мы поженимся».

– Не-е-е-ет! – Люси не знала, что ее больше удивляло: то, что Тина так неадекватно воспринимала реальность, или то, что кто-то вообще хотел брака с такой обезьяной, как Бен Брумке.

– Ага. Немного грустно. Только представьте: ее затуманенные глаза, пропахшая задницей и большим потным Беном комната, а она уже слышит свадебные колокольчики и думает, что произошло что-то особенное. На следующий день она пригласила его на ужин в ресторан. На ужин с родителями! Естественно, Бен ее бросил. Отправил ей вечером сообщение, сказав, что после случившегося больше не считает ее порядочной христианкой и видеть ее не может. Она ответила, что ничего не понимает, а он отправил эмодзи с молитвенным жестом и дописал: «Буду молиться за твою душу».

Бакет захохотал. Люси дала ему затрещину.

– За что?

– Ты знаешь, за что. Бен – урод.

– Да, но... Эмодзи молитвы. Забавно ведь.

Брюэр сказал:

– Бен тоже подумал, что забавно. Но, понятно, он немного в шоке был. У такой сумасшедшей свадьба и убийство мужа могут недалеко стоять.

Люси непроизвольно закатила глаза.

– Да это же полный бред, чувак. Почему каждый раз, когда девушка испытывает сильные эмоции, парни считают ее сумасшедшей?

– Нам просто так кажется. Девушка боится гнева воображаемого чувака на небе, так что ты имеешь ее в задницу, а она после этого хочет выйти за тебя замуж. Разве это не полное безумие? Она просто долбанутая.

Бакет сказал:

– Точно долбанутая. – Он снова повернулся к Люси: – Да ладно тебе, не бесись.

– Ха-ха.

– О, черт! – сказал Брюэр. – Я кое-что еще странное вспомнил. Итак, Бен рассказал про Тину, все посмеялись. А потом затихли. Ну, знаете, бывает, что все вдруг без причины одновременно замолкают. И тут Джейсон Уорд наклонился через стол, посмотрел Бену в глаза и спросил: «Она сильно плакала?» Я сначала подумал, что он шутит, но когда увидел его выражение, то понял: он спросил на полном серьезе и в ответе очень заинтересован. Типа, ему нужно было знать, как сильно плакала Тина.

Люси вздрогнула. Джейсон всегда ее напрягал. Лишь однажды она заметила хоть какие-то эмоции на его лице – когда подрались Люк Олсен и Дейл Рапп. Джейсон стоял в стороне, покачивался и улыбался.

– Нам всем жутко от вопроса Джейсона стало, и Бен как-то отшутился, чтобы можно было продолжить хвастаться своим анальным завоеванием. Но угадай, кто начал встречаться через три дня?

– Джейсон и Тина? – Люси знала, что ответы, которые отзывались в животе тупой болью, обычно оказывались правильными.

– Ага. Джейсон и Тина. Мне от этого не по себе стало. Однажды я видел, как они держались за руки, а потом он отпустил ее, и у нее на коже остались белые отпечатки. У нее все пальцы согнулись, а ладонь выглядела как сломанное крыло птенца, врезавшегося в окно. Помню, тогда я к нему почувствовал ненависть, прям чистую ненависть. Поэтому, когда узнал, что он пропал, я вспомнил о той помятой ладони, о том, как он спросил, сильно ли плакала

Тина, и мне стало так хорошо. Ты понимаешь? Типа, скатертью дорога. Надеюсь, его никогда не найдут.

В кабине повисло то самое молчание. Слова Брюэра эхом отозвались в головах, заглушая любые мысли о том, что не стоит говорить подобных вещей про ребенка, который может быть в смертельной опасности. Люси размышляла, чем руководствовался Брюэр – принципами или мстостью, – но потом подумала о парнях вроде Джейсона, которым, скорее всего, очень любопытно, как сильно может плакать она.

– Согласна, – сказала она. – Скатертью дорога.

Она снова поймала взгляд Брюэра в зеркале заднего вида и прищурилась. Думал ли он о ней?

Тут Бакет сказал:

– Знак! Восемнадцатая миля! Нельзя пропустить съезд.

Брюэр включил дальний свет, выхватив кустарник и куски лавы по бокам дороги.

– Ага, за поворотом уже будет можжевельник, в который в прошлом году молния ударила.

А он часто сюда приезжает.

Люси увидела обугленное дерево: у основания оно было белым, без коры, середина была вся разорвана, а зазубренные почерневшие ветви тянулись к небу, и в свете фар оно казалось совсем призрачным.

– Вот и приехали, – сказал Брюэр. – Пришло время веселиться!

Он свернул на старую грунтовую дорогу, ведущую к пещерам, объезжая скалы и размытые провалы словно по памяти. В свете фар Люси увидела клубы пыли и ощутила укол беспокойства, вспомнив, что, кроме них, сюда ехали и другие люди. До этого все было так хорошо, просто и по-настоящему: только она, Бакет, Брюэр и ночной бриз. Она могла бы проболтать с ними всю ночь – эти разговоры избавляли от забот. Но теперь настало «время веселиться». Люси представила, как уже скоро станет для двух парней невидимкой, как ее затмят их желания, за которыми они сюда приехали.

Она хотела попросить Брюэра развернуться, продолжить ехать, но не хотела показаться странной.

Черт. Я снова притворяюсь.

Люси задумалась, где бы она была, если бы не старалась подстраиваться под окружающих. Но над ответом подумать не успела: грузовик Брюэра внезапно затормозил в мягкой грязи, и ее бросило вперед. Загремели пустые пивные банки, пикап обступило свежее облако, а потом Брюэр выключил фары – и все погрузилось во тьму.

– Ну что, за дело? Давай повеселимся, а гребаная школа пусть идет на хер!

Бакет забарабанил по приборной панели и вяло воскликнул: «Юху-у-у!» Последние месяцы он так иронично высказывал свою радость перед вечеринками.

Люси прошептала себе под нос «твою мать», потянула ручку двери и шагнула в холодную пустынную ночь. Вдалеке горел небольшой костер, сопротивляясь порывам ветра и темноте безлунного неба. Он освещал вход в пещеры. Люси застегнула толстовку, вздрогнула и почувствовала, как ноги проваливаются в утопанную песчаную тропу. Приглушенные басы музыки, смех и гул двигателей заставили сердце биться чаще, но она продолжала идти вперед, боясь, что потеряет из вида Бакета и Брюэра и будет входить в пещеру в полном одиночестве.

Совсем забыв про звезды на небе, она смотрела прямо перед собой.

Глава 4

Пещеры

Они стояли у широкого входа в пещеру, в нескольких шагах от обрыва.

– Там, внизу, довольно темно. Вы с собой фонарики взяли? – спросил Брюэр.

– Нет, – ответил Бакет.

– Нужно было сказать, когда заехали за мной, – сказала Люси.

– Если честно, я все еще не верю, что ты решила поехать с нами. Плюс, я думал, вы уже тут бывали.

Люси бы одной руки хватило, чтобы посчитать вечеринки, на которые она сходила за год. Она догадывалась, что в этом Бакет ее обошел, но лишь потому, что его постоянное желание потрахаться часто перевешивало любые разумные мысли.

– У меня есть фонарик на телефоне. Лучшего варианта предложить не могу, – сказал Бакет. – Внизу он будет очень кстати, но на спуск все-таки удобнее налобный фонарь. Обычно помогает еще лунный свет, но сегодня его нет. Значит, уже в паре футов от огня будет крошечная тьма, если только они не кострище там устроили. Но, скорее всего, набросали поддонов и бревен и пошли веселиться.

Три подростка в жилетах с ярко-белыми светодиодными налобниками прошли мимо Люси, звеня пивными бутылками в рюкзаках. Они по очереди скрывались из виду, спускаясь по алюминиевым лестницам, что вели в пещеры. На одной из лестниц толстым черным маркером кто-то написал «Лестница на Небеса». На другой была надпись «Собственность Брандаж Конкрит», но часть текста закрывала наклейка «40 унций за свободу». Пока они спускались, обе лестницы раскачивались от малейшего движения, елозя по земле и камню, и Люси недоумевала, почему их не закрепили.

Брюэр похлопал себя по лицу. То ли он пытался выбить из мозга решение их проблемы, то ли наказывал себя за то, что притащил на вечеринку двух неподготовленных приятелей.

– Давайте так, – сказал Брюэр, – Бакет, ты светишь своим телефоном. Как спустишься, по крайней мере. А ты... – Брюэр порылся в переднем кармане толстовки и что-то оттуда вытащил. – Ты возьмешь это.

Он дал Люси маленький черный налобный фонарь. Тот пах потом и сальными волосами, но Люси была рада, что у нее будет хоть немного света.

– Спасибо.

– Без проблем. Через полчаса у меня все равно будет охеренное суперзрение на полный спектр. Волчье зрение. Слух летучей мыши. Буду видеть пурпурно-зеленые разводы и все такое.

Брюэр сунул руку в другой карман, вытащил вакуумный пакет с грибами и начал есть содержимое как картофельные чипсы. Он ухмыльнулся Люси и Бакету и заговорил с набитым ртом.

– Если быстро есть, не чувствуешь вкус дерьма!

Он поднес пакет ко рту и вытряхнул все оставшиеся грибковые крошки. Затем достал еще шуршащий пакет из заднего кармана брюк.

– Погоди, ты еще съешь? – спросил Бакет.

– Нет конечно, чувак. Восемь грамм для меня – предел. От большего будет мерещиться всякий треш, которого точно не существует. Однажды я увидел гигантского цыпленка. Огромного, золотого... Он был прекрасен. Но потом я испугался. А это – просто «Скиттлз», чтобы дыхание коровьим дерьмом не воняло.

Он разом съел половину пакета. Люси услышала, как друг о друга стучат конфеты, а когда он начал жевать, уловила в воздухе запах синтетических фруктов. От этого аромата она

почувствовала себя совершенно беззаботной и на мгновение даже обрадовалась, что оказалась на вечеринке, и еще больше была взволнована тем, что у нее появился новый знакомый. Она вспомнила, как в детстве, в Перу, к ней подсел незнакомый мальчик и протянул леденец из карамели и кокоса; и пусть тогда был очередной ужасный день, но, когда они сидели и ели леденец, все казалось идеальным.

О боже. Я точно сошла с ума. Чувствую запах фруктовых конфет и думаю, что все в мире хорошо.

И все же Люси решила, что ради этого иррационального чувства стоило так долго трястись в машине, поэтому она надела налобный фонарь Брюэра, щелкнула кнопкой и сказала:

– Отлично. Давайте повеселимся.

Брюэр вздрогнул, и она поняла, что лампа загорелась прямо ему в глаза.

– Черт. Осторожней. Хочешь ослепить меня, когда мы стоим рядом с огромной дырой в земле?

– Извини.

Люси не понимала, злится он или нет. Она направила фонарь вниз и, подняв глаза, заметила, что Брюэр восторженно улыбается.

– Если посветишь сейчас, то мне будто радугой мозг прострелит.

– Знаешь, сейчас самое время... – Бакет протянул ладонь. Брюэр передал ему ключи от пикапа.

– Я тебе доверяю, бро. Не убей мой мотор. И не уезжай без меня, даже если я попрошу тебя уехать. Особенно если я попрошу тебя уехать. Если хоть еще один рассвет попробую посмотреть не моргая, точно ослепну. В прошлый раз меня спас Грег. Тряхнул меня и сказал: «Нельзя смотреть на солнце. Ослепнешь». Как бы верно. Я ему за это очень благодарен. Но что, если в этот раз Грег меня не спасет? Как думаешь, он здесь? Надеюсь, он приехал. Хороший чувак.

Люси и Бакет обменялись взглядами. Его уже развезло.

– В общем, почесали.

– Чего?

– Так мой двоюродный брат говорит, когда мы собираемся что-нибудь безумное сделать.

Брюэр подошел к обрыву, опустил на колени и ухватился за верхнюю часть одной из лестниц.

– Пару креплений и арматуры достать для лестниц – говно вопрос, но их каждое утро прятать надо. Раньше хорошая лестница тут была, но Лесная охрана убрала ее после того, как какие-то придурки нарисовали кучу свастики на стенах и сбросили в пещеру мертвую собаку.

– Серьезно?

– Ага. Еще много зимующих летучих мышей тут сожгли, хотя это незаконно. Тетя вроде слышала, что это сделали сатанисты, но я сказал ей, что это были просто обычные придурки. Может, братья Джессап. Может, кто-то из Бьютт. В городе полно дебилов. Лишь бы что вниз побросать. Ладно, я подержу, пока ты спускаешься.

Люси знала, что Бакету, наверное, тоже хочется лезть вниз с подстраховкой, но он уже ушел к другой лестнице и полез вниз. Они оба понимали, что Брюэр старается ради нее.

Лестница Бакета с грохотом ударилась о камень, сыпучая галька посыпалась в пещеру. Брюэр спросил:

– Ты в порядке, чувак?

– Все нормально, чувак.

Тон Бакета был ровным.

Начинает грубить. Он нервничает? Ревнует? Что сегодня меня ждет?

Она не имела ни малейшего понятия, но ее ждал классный парень с фруктовым дыханием, так что она не раздумывая отправилась вниз по «Лестнице на Небеса». Она старалась

не паниковать, когда ноги повисли над обрывом, и, когда нащупала первую ступеньку, почувствовала себя в безопасности. Через три ступеньки горизонт исчез из виду. Холод и темнота пещеры обволакивали ее с каждым шагом. То же самое она ощущала, когда ныряла в речку за кемпингом Пайнвуд – теплой была лишь поверхность, ниже солнце уже не доставало.

Она и не заметила, как спустилась на тридцать футов и стояла в пещере. Судя по звукам, Бакет был где-то слева. Брюэр уже вставал на лестницу и быстро слезал вниз.

Люси направила налобный фонарь вверх, чтобы ему подсобрать, и увидела, как что-то быстро мелькает в свете луча. Затем услышала пронзительные пищание звуки и поняла, что никогда в жизни не видела столько летучих мышей. Около сотни закружились и исчезли в ночи, хотя они казались намного меньше, чем те, которых она видела в детстве в темных верхушках деревьев, да и с вылетом они точно уже припозднились. По коже побежали мурашки.

Обернись.

Но Бакет и Брюэр уже устремились к свету и звуку в сердце пещеры. Люси представила, как лестницы издают пронзительный металлический скрежет, словно зубья камертона, и посылают предупреждающий сигнал, вызывают к ней, тянут ее назад. Безумная, конечно, мысль, а она очень от таких устала, поэтому проигнорировала предчувствие, догнала друзей, и они вместе пошли по древней дыре в земле.

Как говорится, если жизнь дает лимоны – делай лимонад; и если тебе во время жестокого нападения выкололи глаз, то потом ты сможешь насладиться вниманием и сочувствием целого гарема пьяных чирлидерш. Люси заметила, как на лице Бакета отразилась ревность, когда он увидел восседающего у праздничного костра на переносном холодильнике Джейка Бернхардта, похожего на одноглазого ледяного короля; Лиза Кей расположилась у него на коленях, Тиффани Педерсен потирала ему плечи, а три другие чирлидерши внимательно слушали все, что он говорил. Выражения их лиц были образцом сочувствия и нежности. Джейк был ранен, но выжил. И даже после всего, что случилось, он пришел, чтобы повеселиться со своими друзьями. *Какой же он храбрый.*

– Повязка на глазу – просто магнит для кисок, Лу. Он же ничего не сделал. Просто вел себя как мудака, а потом был побит. Разве это...

– Что? Справедливо? – Люси едва могла скрыть раздражение. Она чуть в обморок не упала, когда увидела Джейка, и даже сейчас, посмотрев на него, вспомнила слишком многое. Криса Кармайка, мистера Чемберса. Поняла, что они на вечеринках в ближайшее время не развлекутся. Вспомнила фиолетовый дым, сползающие с головы лица, и, наконец, почувствовала, как ее решение прийти на вечеринку камнем легло на грудь. А вот Бакет готов был потерять глаз, лишь бы с ним пару раз из жалости перепихнулись.

А хуже всего было то, что, даже если бы на Бакета напали, для него все было бы по-другому. И это ей даже признавать не хотелось. Его бы прозвали Одноглазым Песочком. Превратили бы трагедию в шутку. Снова указали бы на то, что он – другой.

Люси положила руку на спину Бакета. Он был прав. О справедливости тут и речи не было. Бакет посмотрел на Люси, она кивнула ему. Они отлично друг друга понимали.

Тем временем Брюэр выскочил к ним, сбитый с толку грибным трипом и волнением от предстоящей вечеринки. От его внимания кружилась голова, и Люси смутилась.

Что это такое? Что, по-твоему, сейчас происходит?

Вскоре они нашли первую большую нишу с песчаным полом, окруженным камнем, с небольшим костром и группой студентов в центре. Брюэр перевел взгляд со своей руки на огонь, затем снова на руку, а потом покачал головой, будто пришел к важному решению. Он наклонился к Бакету и Люси и заговорщическим шепотом сказал:

– Сто пятьдесят тысяч лет животные падали через это отверстие сверху. – Он указал на отверстие в куполообразной пещере, которое можно было разглядеть, только если проследить за поднимающимся дымом. – Медведи, лошади, лоси разгуливают вокруг, а потом – упс! – и

они уже внизу, в пещере, ищут выход на сломанных ногах. Вот почему коренные американцы раньше называли это место пещерой Скелетов. Ее должны были чистить, но я чувствую кости. Говорю вам, кости все еще здесь.

Он посмотрел на свою руку, видя в ней какую-то силу.

– Вибрации одни и те же. Это магнит.

И с этими словами он исчез.

Люси осталась у огня и некоторое время оглядывалась, пытаясь его высмотреть, но приходило все больше и больше учеников, шурша по камням холодильниками и коробками с пивом. Брюэра она так и не нашла.

– Он вернется, Люси.

– Кто?

– Брюэр.

– Да мне плевать на него.

– Как мило. Может, твой белый рыцарь снова придержит для тебя лестницу, когда будем возвращаться наверх. Но будь осторожна: и так понятно, что он хочет уткнуться лицом в твою задницу.

– Заткнись.

– Сама заткнись. Я просто прикалываюсь. – Он толкнул ее плечом. – Он точно вернется: у нас ключи от его пикапа.

– Ты правда умеешь водить механику?

– Не-а. Но Брюэр будет думать, что летит на космическом корабле за костями, так что...

– Ну да. Так будет лучше.

Люси осмотрела пещеру и попыталась не обращать внимания на удивленные и осуждающие взгляды, с которыми случайно встречалась. Это не ее друзья. Никого из оркестра. Или с уроков ораторского мастерства. Только куча детей из Бьютт. Пара парней постарше, вроде из скейт-парка. Много девушек из команды поддержки и танцевальной команды, шелкающих селфи-уточка у огня, чтобы быть готовыми, когда связь снова заработает. У стены пещеры на скалах стояла согнувшаяся темная фигура, ее рвало. Короткие волосы – значит, не Брюэр. Наверное, какой-нибудь парень из Бьютт. Проглотил пачку пива, как только пришел. Наверное, пару минут назад он напивался под улюлюканье друзей, а его живот раздувало от выпитого. Он закончил и спотыкаясь вернулся к огню. Толкнул локтем друга, тот бросил ему свежее пиво и крикнул: «Тусим, братан!» Парень пробормотал «Тусим, тусим» в ответ, затем дрожащей рукой поднял банку и запустил цикл заново.

Неудивительно, что летучие мыши свалили.

– Бакет, как думаешь, надолго тут зависнем?

Бакет смотрел куда-то за огонь. Пришла Эшли Йоргенсен, а это значит, у Бакета отказал мозг. Теперь он пребывал в мире, где Эшли правда ему симпатизировала, а не флиртowała за помощь с домашним заданием по математике. Люси знала, что Эшли встречалась только с парнями постарше, либо со сноубордистами, либо с ребятами из местного колледжа, но Бакет все никак не мог забыть ее давнишнего сообщения. Эшли написала ему: «Думаю о тебе» – и отправила нечеткую фотку в короткой серой футболке и белых пижамных шортах. Люси решила, что «думаю о том, получится ли сдать предварительный экзамен без всякой подготовки» было бы уже не так романтично. По крайней мере, теперь у Бакета есть на что передернуть. От других за помощь ему и спасибо, бывало, не доставалось.

В общем, она понимала, что при виде Эшли у него отключался мозг, поэтому она не удивилась, что он ее не услышал.

– Бакет.

– Что?

– Хочешь поискать Брюэра и свалить, или...

Она не стала заканчивать вопрос. Бакет смотрел на объект своих фантазий не отрываясь. Эшли захватила все его мысли, и толку от него теперь не было никакого.

– Забудь. И прекрати пялиться – это жутко. Научись пялиться с перерывами, что ли.

– Хорошая идея.

Ответ был странный, но надеяться услышать большее от парня, отупевшего от эрекции, не стоит.

– Я пойду спрошу, есть ли у Тима Арнольда пара лишних бутылок пива. Купить тебе?

Люси хотела сказать «да», но не желала терять контроль над ситуацией. Никогда не знаешь, как вечер повернется, да и напивается она быстро. Она представила, как стоит и блюет в углу пещеры, а люди у костра смеются над ней. Может, кто-нибудь даже сфотографирует ее и наложит на фото забавный фильтр, и у нее будут гигантские глаза или собачий нос. Или превратят ее в предупреждающий о тошноте трехсекундный замедленный клип «СопляВХлам.gif».

– Спасибо, мне и так нормально.

– Как хочешь, Лу. Но я думаю, мы это заслужили. За последние пару недель – уж точно. Мир у нас в долгу. Сегодня вечером я собираюсь хорошенько оттянуться.

С этими словами он исчез.

Один ушел охотиться за костями, другой – за развлечениями, а Люси осталась одна и вокруг не было ни одного друга. Сначала она наблюдала за огнем, сосредоточившись на крошечных колеблющихся всполохах, исходящих из пепла. А затем стала призрак и начала ходить среди живых – этому она научилась еще в детстве.

Хендерсоны говорили Люси принять свое наследие, что бы это ни значило. Они хотели, чтобы она посещала уроки испанского, чтобы не забывать язык, в то время как Люси изо всех сил старалась скрыть свой акцент и говорить на чистом, четком английском. Хендерсоны отправили ее к школьному консультанту, чтобы помочь с культурной и языковой адаптацией, но Люси перестала ходить к ней на встречи, как только поняла, что из-за этих визитов чувствует себя чужой, почти что другим видом, который нуждается в особом обращении. Хендерсоны даже предложили Люси съездить в Перу после выпускного класса, чтобы помочь ей восстановить связь с родиной и посетить сохранившиеся в памяти, несмотря на бродяжную жизнь, места, вроде Пукальпы или окраин Лимы. Она знала, они хотели как лучше, но не понимали одного: когда ее удочерили, она поместила прошлое в маленькую шкатулку в сердце, заперла ее и пообещала, что больше к ней не вернется.

Потому что культура Перу не была ее культурой и она не чувствовала к родине особой привязанности – только имела о ней несколько приятных воспоминаний. Для нее Перу ассоциировалось с ужасным и неустойчивым миром, созданным родителями. С осознанием того, что никто тебе не поможет в момент нужды. С поиском еды по утрам, потому что родителей даже ударами не добудиться, а вечером они снова уйдут, и ужин придется тоже придумывать самой. Со школьной системой, которая столько раз пыталась спасти ее из дома, но в итоге просто отвернулась от нее, дабы она не напоминала о позорной неудаче. В Перу у нее не было прочной земли под ногами, и часто единственной радостью было бродить по городу голодным призраком.

Люси научилась быть незаметной и проворной, и если кто пытался остановить ее, она могла быстро исчезнуть. Если кто-то пялился на нее, она смотрела в ответ и говорила: «Хочу кушать», – и тогда она снова становилась невидимой. Вскоре ее начали замечать только люди с плохими намерениями – их она тоже научилась различать и всегда от них убегала.

Она научилась слушать и развлекалась, смотря на жизни других людей. Она слушала рассказы, доносившиеся из окон, и вскоре осознала, что понимает город лучше, чем другие. Она уснула под кустами кантуа возле детской с кроваткой новорожденного по имени Сандро, украв его колыбельные. Проснулась в темноте со слезами на глазах.

Она знала, в каких магазинах работники сделают вид, что не видят призрака, стащившего с прилавков пару фруктов. Нашла несколько укромных уголков, где собирались другие призраки и делились тем, что нашли. В целом, скучала она только по этим прибрежным бетонным укрытиям да по любимым фруктам.

Правда заключалась в том, что Перу кануло в Лету, а все худшее – жизнь в неведении, ссоры родителей, несчастный случай, сиротский приют – Люси превратила в абстракцию. Поэтому, когда Хендерсоны говорили «не забывать о своем наследии», она чувствовала, что они не понимают: наследие было опасным чувством в сердце, и она изо всех сил старалась умерить его до постоянной боли и боялась, что если будет его помнить, то может сгореть заживо, как родители.

Все, что она позволяла себе, – несколько воспоминаний: ощущение течения реки, вкус фруктов, красота высокогорных орхидей... И ее способность становиться призраком.

В пещерах из виду скрыться было труднее. Во-первых, на Люси был налобный фонарь. Во-вторых, камень под ногами казался чужим и неустойчивым. Как там говорил Брюэр, когда они карабкались по неровной скале на вечеринку?

«Это всё старые лавовые пещеры, в северной части города такие же. Не знаю, падали вы на лавовую скалу или нет, но я на велике по ним гонял. Когда упал, мне показалось, что мне колени теркой натерли. Так что ставьте ноги на ровную и устойчивую поверхность и держите руки наготове, потому что тут все двигается».

Люси натянула на голову толстовку и заправила внутрь волосы. Она выключила налобный фонарь и дала глазам время привыкнуть к темноте. В свете костра лица людей казались парящими тенями. Через несколько шагов она увидела темную зону, куда не доходили отблески пламени.

Она закрыла глаза и прислушалась к звукам пещеры: взрывам смеха, пьяным возгласам, перекликающимся стереосистемам, играющим хип-хоп и поп-кантри. Далекие ритмичные шлепки трахающейся парочки, которые становились все громче, когда возбуждение перебило страх быть замеченными. Грохот алюминиевых лестниц вдалеке, приход новых людей. Гу-у-у-у-у-у-у-ул, с нарастающей громкостью разлетающийся по пещере, словно звуковой вирус.

Вечеринка была в разгаре.

И что ты тут делаешь, ненормальная? Снова прячешься? Снова отступаешь? Неудивительно, что все считают тебя странной. Ты жесткая какая странная. Иди посиди у костра. Поболтай с кем-нибудь. Посмейся над глупыми шутками. Сходи к Бакету за пивом, вдруг он купил. Давай же!

Но было поздно: Люси услышала отразившийся от стен пещеры звук: заговорил приглушенный женский голос. Люси восприняла его как вызов своим способностям призрака и как возможность узнать интересные сплетни. Как своего рода игру.

Она подкралась ближе. Три девушки передавали друг другу стеклянную трубку и зажигалку, поджигая какое-то дерьмо. Ей нужно подойти ближе, чтобы услышать, о чем они разговаривают, но не попасть в свет пламени. Подобравшись достаточно близко, она прищурилась и завела края капюшона толстовки за уши. «Я – Бэтгерл, – подумала она. – Пожалуйста, боже, пусть они меня не заметят».

– ...и вот я ей говорю: «Сейчас лайфхак будет, сучка, – не заводи, блин, ребенка. Ему на тебя вообще насрать. Думаешь, ночной охранник в мебельном магазине сможет обеспечить ребенка? Он даже приличные презервативы купить не может». А она вообще не уверена, что беременна. Говорит, просто чувствует себя странно. Наутро она пошла в аптеку, купила, что надо. А через несколько дней я с ней встречаюсь и узнаю, что тест не сработал и ребенок, может быть, вообще не от Айдена. Если он вообще был.

Кто это говорил? Джинни Бухольц? Очень похоже на ее скрипучий голос.

– Seriously?

– Seriously. Это еще не всё – она сказала, что ребенок, может быть, от Джейсона. За пару дней до исчезновения он написал ей просто «приходи», так она и пошла. Сказала, когда приехала, его трясло и он был агрессивным, даже разговаривать с ней не стал, только схватил за руку и развернул ее, но, знаете, она же давно в него была влюблена, так что она решила, ну, пусть так. В сексе он вообще ни о чем, только присунул, едва пошевелил и начал дергаться. А потом, когда они закончили, он просто сказал: «Убирайся». Она и убралась. Но самая жесть – на пути к своей машине она увидела Дженнифер Шварц, подъезжающую к его дому.

– Really?

– Ага

– Но и это еще не все. Она сказала, что Джейсон перестал дрожать только тогда, когда был внутри нее.

– Думаешь, он что-то похлеще кокаина теперь употребляет?

– Кто знает.

– Эми пора думать головой, прежде чем решения принимать. Пусть радуется, что пока не родила какого-нибудь герпесного ребенка.

– Господи, это отвратительно.

– Ха! Герпесный ребенок, герпесный ребенок!

– Ты вообще сдурела? Заткнись! Я сейчас от тебя блевану.

– Я же не специально. Господи, трава охеренная.

– Хочешь вернуться на вечеринку?

– Хочу сраный тако.

– А я хочу съесть герпесного ребенка.

– Ты просто мразь. Люблю тебя.

– Давай посидим еще, а потом на другую вечеринку сходим.

Погодите. Какая еще другая вечеринка?

Любопытство Люси заставило ее придвинуться ближе. На втором шаге подошва заскользила по куче раскошенной пористой лавовой породы, и камни полетели вниз, к девушкам.

Черт!

Люси быстро свернулась калачиком и надеялась, что темная толстовка и брюки, а также значительно накуранные мозги девочек помогут ей остаться незамеченной.

– Это что было?

– Летучие мыши, наверное.

– Наверное. Том сказал, что как-то видел здесь койота. Ладно, давай вернемся. Нейт Карвер должен был уже прийти.

– Дорогая, даже не думай о нем. Он же засранец.

– Он расстался с Эмили на прошлой неделе.

– Ну, мудаком он быть не перестал.

– Я же не замуж за него хочу. Ты видела его в коротких спортивных шортах на физре? Тогда понимаешь, о чем я.

– Джинни хочет герпесного ребенка от Нейта!

– Господи. Приди уже в себя, Трейс. У тебя крыша поехала.

Трейс? Люси решила, что речь идет про Трейси Шаймер. Почему только богатенькие отпрыски всегда под кайфом сцены устраивают?

Поток смеха и сплетен отдалялся от Люси – девушки вернулись к костру. Больше подслушивать было некого, и Люси на мгновение осознала правду.

Мы собрались, потому что мальчик мертв. И еще один был убит. И еще одного не хватает. И вот я здесь, одна в темноте, в то время как все остальные празднуют.

Она не могла вынести подобные мысли и чувства, а потому начала тихо бродить в поисках чего-нибудь еще.

Она взглянула в центр ниши и увидела Бакета прямо у костра: он медленно потягивал пиво и кивал в такт музыке, доносящейся из ближайшей стереосистемы. Она знала, что если проследит за его взглядом, то увидит Эшли Йоргенсен.

Ну же, приятель. Забудь ты ее уже.

Люси считала, что Бакет сохнет по недостижимым женщинам вроде Тони и Эшли только потому, что знает, что ему с ними ничего не светит, а значит, и отказа бояться не надо. Потом она подумала, что из-за встреч с доктором Нильсен превращается в диванного психиатра. Затем подумала, что ей стоит проанализировать свое поведение и понять наконец, какого хрена она играет в пещерного ниндзя. Или почему не могла сидеть за обеденным столом с двумя самыми добрыми людьми, которых она когда-либо встречала. Или почему ей снились откровенные сны вперемешку со снами о том, как лицо учителя сползает с черепа. Или почему...

– Что делаешь, Люси?

Люси вскрикнула и чуть не упала. Как Брюэр нашел ее в темноте?

Волчье зрение. Слух летучей мыши.

– Ты писаешь? Могу отойти на секунду.

– Нет. Господи. Хотя что-то захотелось. Ты напугал меня до чертиков.

– Извини. Думал, ты ненастоящая, пока не подошел поближе. Думал, ты – это маленький черный медведь, или дух, или что-то такое. Потом подошел и почувствовал твой приятный запах. И твои ботинки увидел. Я запомнил твои ботинки.

– Э-э... Спасибо.

– Посмотрите на это маленькое племя. Все сгрудились вокруг костра. Так еще давным-давно делали.

Судя по всему, для Брюэра эта мысль казалась очень глубокой, но Люси не хотела выслушивать его триповую болтовню. Он ведь так игриво и прямо говорил с ней, когда был трезвым. Вот чего бы ей сейчас хотелось. Кроме того, он мог начать задавать ей вопросы про ее переход в режим призрака. Она решила отвлечь внимание.

– А ты что делал? Нашел какие-нибудь кости?

– Нет. Расстроился немного. Думаю, Лесная охрана вместе с добровольцами и правда тут все почистила после прошлого разгрома. Нашел только использованные презервативы и пустые бутылки, а это, сама понимаешь, двойной облом. Моя теория: кости, которые я чувствовал руками, глубоко в земле. Может, кости мастодонта, прям совсем далеко, десяток тысяч лет лежат. Сигнал-то сильный.

– Ну, может быть.

– Слушай, можно задать личный вопрос?

– Валяй. Ответить не обещаю.

– Отлично! Ладно. Это правда, что там, откуда ты родом, в реке живут розовые дельфины, которые накладывают проклятия на людей?

Откуда он знает, что я из Перу? Бакет...

Что еще он знает?

Щеки Люси вспыхнули, но она быстро ответила, чтобы не выдать волнения.

– Розовые дельфины там правда есть. Их называют botos. Но они не накладывают проклятия. Говорят, в них вселяются души умерших, и поэтому они ведут себя как люди. Они очень игривые. Но кто-то думает, что они оборотни, которые соблазняют молодых женщин на берегу реки.

– погоди! Соблазняют женщин? Как?

– Бото превращается в красивого рыбака, и если девушка признается ему любви, то они начинают встречаться. Если кто-то увидит, как они трахаются, парень превратится обратно в розового дельфина. А если нет, то женщина родит еще одного бото.

– Что-о-о? Ты врешь!

– Не-а. Однажды в детстве я сидела у реки и ждала, когда появится рыбак. Думала, что, если рожу ребенка от бото, мы могли бы жить вместе в реке.

Зачем я ему это говорю? Боже...

– Что же, – сказал он. – Когда я был маленьким, я хотел завести огромную домашнюю белую акулу, но потом узнал, что они умирают в неволе. Я грустил целый год. Не шучу. Я так расстраивался, лишь когда узнал, что гелий плавает только в виде газа. У меня были планы на этот жидкий гелий! Большие планы...

– Дети такие тупые.

– Супертупые.

– Как думаешь, мы и сейчас все еще тупые? Ну, чуть менее тупые, чем тогда, конечно.

– Возможно. Ты определенно тупая. У меня вообще почти нет мозгов. Иначе почему мы сейчас стоим в крошечной тьме и обсуждаем волшебных дельфинов?

– А мне здесь нравится.

И это было правдой. Внезапно Люси поняла, что давно не чувствовала себя так хорошо. Брюэр был очень похож на мальчика, который дал ей леденец: в тяжелое время он дарил ей моменты радости. С Бакетом бывало что-то подобное, но зачастую это был вопрос выживания. Они спасали друг друга. А сейчас все ощущалось... по-другому.

– Мне здесь тоже нравится. Ты чертовски крутая, Люси.

Она надеялась, что темнота скроет ее улыбку. Она не хотела показаться падкой на комплименты.

Что бы сказала классная девчонка?

– Да, я чертовски крутая.

Слишком в лоб? Или нормально получилось?

– Хорошо, что ты это знаешь. Иногда вижу тебя в школьном коридоре, и мне кажется, что ты пытаешься спрятаться. И это ужасно, потому что ты одна из самых... Черт, как это слово...

Если он скажет «экзотичная», я закричу так, что рухнут стены пещеры.

Брюэр продолжил:

– Думаю, ты просто очень... интересная. Кажется, тебе сейчас нелегко. И я вижу, как ты болтаешь с Бакетом. Вы, ребята, очень близки, и я даже немного ревную. Вы, похоже, настоящие друзья.

Люси не ответила. Он разыгрывал ее? Ей вообще было до этого дело? Что вообще происходит?

Какое-то время они стояли молча, и Брюэр попытался разрядить обстановку.

– Болтаю тут без умолку, вслух думаю. Охеренно, чувак. Ловить трип в пещере – будто в камеру сенсорной депривации залезать. Я же сказал, я такой тупо...

Но фразу он закончить не успел. Люси коснулась ладонями его лица, наклонилась к нему и поцеловала так крепко, как только могла. Затем он нежно коснулся ее лица и поцеловал ее в ответ. Через несколько минут губы их обмякли, и они оторвались друг от друга, глубоко дыша.

– Вау.

– Ага.

– Это сейчас реально было?

– Что реально? Ты о чем?

– Э-э... ну... ничего. Слушай, я сейчас под кайфом и...

– Я шучу. Мы только что поцеловались.

– Фух, слава богу. Здорово. Я рад, что все было по-настоящему.

– Я тоже. Но странно это сейчас обсуждать.

– Давай еще раз поцелуемся? О странностях тогда говорить не придется.

– Можно.

Так они и сделали, и Люси стало хорошо, и она хотела, чтобы это чувство не заканчивалось, а унесло ее подальше от огня и хаоса вечеринки. Второй поцелуй длился до тех пор, пока не онемели лица, а затем Брюэр отстранился и сказал:

– Хочу показать тебе самую классную часть пещеры.

Рука Брюэра обхватила ее ладонь, и волна неведомого ранее чувства прокатилась по всему телу, и Люси снова улыбнулась, поняв, что готова пойти с ним куда угодно.

Пару раз Люси чуть не навернулась со скал, а потом вспомнила про налобный фонарь. Зрения, как у Брюэра, у нее не было, и пещеры она совсем не знала, так что угнаться без света за спутником просто не могла. Забыв о режиме призрака, она щелкнула кнопкой и зажмурилась от света на лбу.

Они держались темноты вместо того, чтобы пройти через самое сердце вечеринки. Люси чувствовала, что они с Брюэром образовали маленькое священное пространство, предназначенное только для них двоих.

Сначала они шли, держась за руки, но Брюэр был прав: руки лучше вытянуть для равновесия. Он вел ее по неровным камням и огромным валунам к верхней левой части главной пещеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.